

Дружба и единство

Великая Октябрьская социалистическая революция навсегда уничтожила социальное и национальное угнетение народов бывшей царской России.

Неразрывная дружба народов СССР, сращенная кровью, пролитой в борьбе против общих врагов, сцементированная созидательным трудом и взаимной помощью, — могучая движущая сила, источник энергии и непобедимости Советского многонационального государства. Русские и украинцы, белорусы и латыши, узбеки и таджики, грузины и армяне — все национальности нашей страны сплочены воедино вокруг великой Коммунистической партии и родного Советского правительства, ведущих нашу страну к победе коммунизма.

Экономический подъем советских республик привел к невиданному расцвету культуры, социалистической по содержанию и национальной по форме. Свободные и равноправные народы, объединившие сознание общности коренных интересов, сохраняют и развивают свои национальные особенности, свою культуру, литературу, язык.

На 70 языках издается в Советском Союзе художественная литература, в том числе на 19 языках народов, не имевших до Октябрьской письменности. В 1953 году тираж произведений братских литератур увеличился в 3,6 раза по сравнению с 1940 годом. Шестнадцать лет существует альманах «Дружба народов», сыгравший заметную роль в сплочении писателей сил. Знаменательным фактом является реорганизация альманаха с января 1955 года в ежемесячный литературно-художественный журнал.

Развитие и взаимное обогащение национальных литератур происходит в тесном сотрудничестве писателей всех братских республик. Мы вправе гордиться многоязычной, многонациональной художественной литературой большого исторического значения, объединяемой методом социалистического реализма и передовыми идеями нашего времени.

Советская литература всегда воспитывала чувство братской солидарности трудящихся всех стран. Зобноуху царя расистов и человеконенавистников, космополитов и отщепенцев противопоставил могучая литература величайшего гуманизма, любви к простым людям всех стран, литература, полная уважения и доверия ко всем народам — и большим и малым. Разве не этим благородным чувством были вдохновлены многие эпизоды и образы «Сказок об Италии» М. Горького и зарубежных стихов В. Маяковского, «Гренада» М. Светлова, «Вура» И. Эренбурга, «За синим морем» А. Матлышко, «Английские вепляния» М. Бажана и другие!

Нужно и впредь развивать эти традиции, усиливать пропаганду патриотизма и интернационализма, утверждать оптимистическую веру в светлое будущее человечества, воспитывать высокую коммунистическую нравственность.

Примечательные цифры сообщались в докладе мандатной комиссии Второго съезда советских писателей. Делегаты 45 национальностей присутствуют на съезде. Значительно выросли и окрепли писательские организации всех республик. Если на Первом съезде писателей Украины была представлена 30 делегатами, то сейчас — 71, Казахстана соответственно — 6 и 20, Армении — 19 и 36, Киргизия — 4 и 10 и т. д. Совсем не были на Первом съезде тувинцы, карелы, хакасы, дунгане, представители которых сегодня вместе со своими собратьями по перу активно участвуют в работе Второго съезда.

Сейчас единение, общность всей нашей богатой национальной литературы так очевидны, а зрелость и взаимное знание отдельных национальных литератур

так велики, что докладчик и содокладчики не могли не привлечь самый широкий материал наших национальных литератур. Политическое и культурное значение этого факта тем более велико, что в числе содокладчиков — украинский драматург А. Корнейчук, украинский поэт М. Рыльский, азербайджанский поэт С. Вургун, казахский писатель и ученый М. Ауэзов.

Дружба наших литератур развивалась и крепла в непрерывной борьбе против буржуазных националистов и шовинистов. Именно потому, что дружба народов — самое святое в нашей жизни, враги народа, всякого рода провокаторы и авантюристы, пытались и будут пытаться впредь ослабить ее, посеять ядовитые семена национальной розни.

Если мы хотим в дальнейшем укрепить дружбу, единство, братские взаимоотношения наших литератур, мы должны бдительны и непримиримо отсекать все попытки водоразлит под любым видом теорией великодержавного шовинизма и буржуазного национализма, — будь то теория «земного потока», будь то попытка всячески удержать, оправдать устаревшие, отжившие элементы национальной формы.

Нам нужно на основе принципиальной критики укрепить единство Союза писателей, содействовать сплочению всех писательских сил, осуждать все попытки раздвинуть, размешать их. Только в тесном сотрудничестве, в постоянном взаимобогащении могут развиваться наши литературы.

Исключительно велико в этом едином процессе развития нашей многонациональной литературы благотворное воздействие русской советской литературы, ее большая братская помощь писателям.

В содокладе о советской поэзии Самед Вургун говорил: — Мы, собравшиеся на наш Второй съезд поэты братских республик, с безграничной благодарностью отмечаем великую историческую миссию русской классической и современной поэзии. Она подняла на новую ступень наши национальные литературы, обогатила наше художественное творчество своими реалистическими и революционными традициями.

Трудно переоценить влияние Пушкина и Маяковского, Л. Толстого и Горького, всей классической и советской русской литературы на развитие литератур народов СССР. Не случайно произведения Горького изданы на 72 языках народов нашей страны общим тиражом 80.310 тыс. экземпляров. Под влиянием русской культуры, в тесной общности с другими братскими литературами, все наши национальные литературы осваивают новые, совершенные формы прозы, драмы, поэзии, развивают критику и литературоведение.

Взаимообогащение, взаимопомощь, взаимное обогащение глубоко вошли в жизнь братских народов Советской страны.

Еще в 1934 году Горький писал о необходимости как можно больше развивать переводческое дело в нашей стране, чтобы переводить все значительные произведения с любого языка на другие. «В этом случае», — подчеркивал Горький, — мы все быстрее научимся бы понимать национально-культурные свойства и особенности друг друга, а это понимание, разумеется, очень ускорило бы процесс создания той единой социалистической культуры, которая, не стирая индивидуальных черт лица всех племен, создаст бы единую, величественную, грозную и обновляющую весь мир социалистическую культуру».

Процесс создания единой социалистической культуры идет гигантскими шагами. Один за другим поднимаются на трибуну съезда писатели всех национальностей и сообща обсуждают вопросы развития своей родной советской многонациональной литературы.

В братском единении писателей всех национальностей — сила и источник дальнейших наших успехов.

Пусть же крепнет дружба наших народов, дружба наших литератур!

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 155 (3339)

Среда, 22 декабря 1954 г.

Цена 40 коп.

ВТОРОЙ ВСЕСОЮЗНЫЙ СЪЕЗД СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Вчера в Колонном зале Дома союзов

Вчера, в день 75-летия со дня рождения И. В. Сталина, большая группа делегатов и гостей Второго всесоюзного съезда писателей посетила Мавзолей В. И. Ленина и И. В. Сталина.

Многие участники съезда побывали в новом здании Московского университета на Ленинских горах, во Всесоюзной торговой палате, на киностудии «Мосфильм» и в Центральной студии телевидения; ознакомились с работой кузнечного и литейного цехов автозавода имени Сталина.

В Доме союзов продолжают поступать приветствия: вчера на съезде были оглашены пожелания и наказы писателям от шахтеров, колхозников, учителей, рабочих-бумажников, моряков, механизаторов сельского хозяйства и многих других читателей.

В большом разговоре о судьбах советской литературы съезд постоянно обращается к заветам великого Горького и традициям лучшего талантливейшего поэта нашей эпохи Маяковского. И естественно, что делегаты с большим воодушевлением входят в дом, где жил и работал А. М. Горький, и в Дом-музей В. В. Маяковского. В доме Горького их принимали Екатерина Павловна и Надежда Алексеевна Пеншковы. Они пригласили гостей в комнату, где Горький читал И. В. Сталину и К. Е. Ворошилову свою сказку «Девушка и Смерть», показали им книги с личными пометками великого писателя. В Доме-музее Маяковского делегаты осмотрели квартиру поэта, его книги, личные вещи; на экране они видели живого Маяковского, вступившего в его год в грамзаписи.

Вчера на утреннем заседании, которое проходило под председательством Б. Кебаба, продолжалось обсуждение доклада и содоклада.

А. Лишин говорил о том, что в поэзии на долгий срок установилась «атмосфера лиричности» и что поэтам давно пора было бы переключить свое творчество на обсуждение больших практических дел народа. Оратор рассказывал о реальных и жизненных противоречиях, с которыми ему, как литератору, изучающему жизнь деревни, приходилось сталкиваться, самокритически говорил об ответственности поэта, не доводящего свои встречи с такой темой до конца, не добивающегося срочных «стихов» и своими выступлениями в печати устранения недостатков.

Л. Ремпель, охарактеризовав связь эстонской литературы с народным творчеством и традициями классиков, говорил о недостатках в разработке проблемы социалистического реализма. Он критикует работу комиссии по литературам народов СССР, говорит о бесплодности, еще существующей в деле переводов и издания произведений писателей братских республик, и горячо поддерживает предложения ряда ораторов о создании Театра дружбы народов и Всесоюзного издательства национальных литератур.

О. Бергольд говорит о тех бедах, которые проистекают для поэзии и для всего искусства в целом, когда литераторы отказываются от одного из важнейших критериев в оценке произведения — критерия художественности.

Мустай Барим критикует статью И. Сельвинского «Наболевший вопрос», опубликованную перед съездом в «Литературной газете». Он говорит о том, что критики уделяют слишком мало внимания художественной индивидуальности поэта, приводят примеры неправильной практики издательства при планировании изданий стихов.

А. Талвир считает, что докладчик и содокладчик не уделили достаточного внимания литературам автономных республик.

Секретарь ВЦСПС П. Коробова огласила приветствие съезду от советских профсоюзов, в котором подчеркивается влияние советской литературы на формирование духовного облика советского человека.

К. Маликов рассказал об успехах киргизской советской литературы, в которых отражаются успехи всего культурного строительства в Киргизской ССР. Он отметил, что связь руководства Союза писателей с литераторами братских республик оживляется во время пленумов и съездов, но ослабляется в промежутках между ними.

Во время перерыва в ходе утреннего заседания советские писатели поздравляли гостей съезда — кубинского поэта Николая Гильена с присуждением ему высокой награды за выдающиеся заслуги в деле борьбы за сохранение и укрепление мира — международной Сталинской премии.

Каждый раз, когда выступает представитель одной из литератур стран народной демократии или посланец прогрессивных писателей буржуазной страны, зал горячо приветствует гостя съезда, выражая светлое чувство братской солидарности с передовыми деятелями культуры во всем мире. Так было и вчера. На трибуне — председатель Союза писателей Чехословакии Ян Дра.

«Нас, чехов и словаков», — говорит он, — с вами, советскими людьми, связывают не только братские наши литература и взаимное сотрудничество на этом поприще. Мы с вами соединены и тысячами других связей, связями всей жизнью.

Ян Дра заканчивает свою речь словами Клемента Готвальда: «С Советским Союзом на вечные времена!». Зал рукоплещет этим словам.

Известная чешская писательница Мария Майерова преподносит президиуму съезда сверткающую в свете проекторов множество огней хрустальную вазу, в которой воплотилось прекрасное искусство чешских мастеров.

Затем участников съезда приветствует

голландский писатель Тойн де Фриз. Он рассказывает о том взаимии, какое оказали на него и людей его поколения произведения советских писателей. Тойн де Фриз напоминает делегатам съезда, в каких трудных условиях работают прогрессивные писатели зарубежных стран, и говорит о том, какие безграничные возможности для творческой работы имеют писатели Советского Союза.

Украинский писатель П. Колчанюк рассказал о жизни писательской организации Львова, об успехах писателей западных областей Украины.

Новосийский свое выступление многообразно советской поэзии С. Кирсанов напомнил о несправедливо забытых произведениях, которые входят в ее богатство, о стихотворениях Вас. Казина, Н. Деметрова, В. Стрельченко. Коснувшись перестройки работы Союза писателей, С. Кирсанов сказал, что эту работу нужно организовать на началах подлинно творческих и подлинно коллективных.

Я. Ругоев охарактеризовал состояние карело-финской литературы, говорил о недостаточном внимании секретариата правления Союза писателей и «Литературной газеты» к работе литераторов республики.

На вечернем заседании, прошедшем под председательством А. Луана, первым выступил Е. Поповкин, остановившийся на работе русских писателей, живущих в республиках и областях. Оратор говорит о военной теме в советской литературе, о необходимости посвящать больше произведений героизму наших воинов, показывать их жизнь не только в дни войны, но и в дни мира.

К. Чуковский осуждает канцелярский, казенный стиль некоторых литературоведческих трудов, критических статей и школьных учебников. Записанные штампы, нищенски-убогий, бездумный, чиновничий жаргон отпугивают читателя от

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ:

Акад. И. Бардин. — Привет славным борцам за мир! (1 стр.).
ВТОРОЙ ВСЕСОЮЗНЫЙ СЪЕЗД СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ. Вчера в Колонном зале Дома союзов (1 стр.).

Выступления участников съезда. Реп. В. Катаева, С. Улу-Зале, В. Каверина, А. Луана, П. Борови, А. Прокофьева, Ф. Галахова, Н. Черкасова, Н. Рыбака, Н. Эркан, Н. Зарьина, С. Миколаева, А. Рапохина, Али Сардара Джафри, Эльзы Триоле (2—4 стр.).

Основные проблемы советской литературной критики. Доклад Б. С. Рюрикова (5—6 стр.).

подобных работ. А ведь литературоведение — это не только наука, но и искусство. К. Чуковский требует борьбы с «языковой халатностью».

На трибуне — министр культуры СССР академик Г. Александров. Он говорит о развитии издательского дела в нашей стране. В ближайшие годы надо удвоить, а затем и утроить количество издающихся книг и довести их выпуск до двух-трех миллиардов экземпляров в год. Между тем, в системе планирования издания художественной литературы, как справедливо указали некоторые делегаты съезда, имеются беспорядки; некоторые издательства стремятся переиздавать небольшой круг одних и тех же произведений и очень робко воспитывают новые литературные силы. Надо смелее издавать произведения молодых советских писателей. Г. Александров призывает писателей активнее участвовать в работе издательства, считать работу в кино и в театре одной из главных своих задач.

Значительную часть своей речи Г. Александров посвящает вопросам теории литературы, в частности, проблеме конфликта, критикуя в этой связи статью Н. Грибачева «О некоторых особенностях советской литературы». Оратор называет ошибочной и теоретически несостоятельной позицию тех писателей и критиков, которые, забыв указания партии, не способствуют развитию советской сатиры.

Выступает М. Шолохов, тепло встреченный присутствующими. Высказав критические замечания в адрес докладчика и содокладчиков, в адрес «Литературной газеты», он затем говорит о большой ответственности писателей перед своим народом.

Характеризуя литературу послевоенных лет, М. Шолохов считает основным ее недостатком появление наряду с хорошими произведениями значительного количества посредственных книг, созданных нередко далеко не молодыми писателями. Одна из главных причин такого положения — снижение требовательности писателей к себе, снижение уровня критики.

С теплым приветствием съезду, советским писателям выступил румынский поэт Михай Беньюк, сказавший, что читатели народной Румынии любят и ценят произведения советской литературы, которые учат их строить новую жизнь. Зал отвечает ему сердечными аплодисментами.

А. Венцова останавливается в своем выступлении на тех новизнах явлениях в литовской литературе, которые явились плодом овладения писателями Советской Литвы методом социалистического реализма. А. Венцова критикует «Литературную газету» за недостаточное внимание к литовской литературе.

О вопросах литературного языка, существенных недостатках стиля многих произведений говорил академик В. Виноградов. Приводя конкретные примеры из книг, вышедших в последние годы, оратор показывает, что серость, стандартность языка, склонность к банальной трескучести и риторическим штаммам противостоят методу социалистического реализма.

Г. Николаева утверждает, что невниманию к главному оружию писателя — типичности и недооценке главного его богатства — таланта являются основными помехами на пути дальнейшего развития советской литературы. Г. Николаева предлагает перенести центр внимания работы Союза писателей с обсуждения недостатков уже опубликованных произведений на товарищеское обсуждение рукописей. Г. Николаева считает, что это будет способствовать созданию подлинно творческой атмосферы в писательской среде.

Сегодня съезд продолжает свою работу.

ВТОРОЙ ВСЕСОЮЗНЫЙ СЪЕЗД СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ. На снимке делегаты и гости (слева направо): Д. Мамуров (Северо-Осетинская АССР), М. Кильчичков (Хакасская автономная область), К. Кулиев (Киргизская ССР), Р. Асаев (Юго-Осетинская автономная область), М. Сагараев (Северо-Осетинская АССР) и Геворг Эмин (Армянская ССР). Фото В. Леонова

Встреча на заводе „Компрессор“

В клубе московского завода «Компрессор» состоялась встреча писателей-лауреатов международных Сталинских премий мира с рабочими и служащими предприятия.

Илья Эренбург, открывая этот вечер, посвященный пятилетию Указа Президиума Верховного Совета СССР об учреждении международных Сталинских премий «За укрепление мира между народами», охарактеризовал литературу и общественную

деятельность присутствующих на встрече чилийского поэта Пабло Неруда, бразильского романиста Жюльо Амаду, кубинского поэта Николая Гильена, польского драматурга Леона Кручковского.

Рабочие завода тепло приветствовали гостей, которые рассказали о своих впечатлениях от пребывания в Москве, о работе Второго съезда писателей и о своих творческих планах.

Международное движение в защиту мира — важнейший фактор современной истории человечества

В нашу эпоху бурного развития науки возможен величайший прогресс во всех областях жизни. Но эта возможность может стать действительностью только на путях сознательного использования грандиозной силы науки для созидательных целей, на путях борьбы за сохранение и улучшение мира. Народы всех стран и континентов все активнее борются против подготовки военной катастрофы, грозящей неисчислимыми бедствиями культуре и цивилизации. Решимость всего прогрессивного человечества отстоять мир уже принесла много драгоценных плодов: перемирие в Корее, прекращение восьмилетней войны в Индо-Китае, одержание культурных и экономических связей между народами. В этих успехах огромная роль принадлежит крепнущему день ото дня всемирному движению сторонников мира.

Но горизонт науки затмивают тяжелые грозные тучи. Правящие круги США создают военные блоки в Европе, возрождают германский вермахт, угрожают атомным оружием миролюбивым людям. Однако непрестанно возрастает и сила людей доброй воли, силы борцов за мир.

В день 75-летия со дня рождения великого борца за мир И. В. Сталина опубликовано постановление об очередном призывании международных Сталинских премий «За укрепление мира между народами». Среди новых лауреатов — снова представители разных стран, люди разных взглядов и политических направлений. Поистине широк фронт мира: он прорастает от стран Западной Европы до Бирмы и Индонезии, он проходит через маленькую Швейцарию и через далекие страны Латинской Америки. Общественные деятели, ученые, писатели... За благородными образами этих борцов мира стоят их наро-

Привет славным борцам за мир!

ды со всеми их чаяниями и надеждами. Известный английский юрист, не раз избиравшийся в парламент, президент Международной ассоциации юристов-демократов Денис Ноэль Притт широко известен как защитник правды и справедливости. Он был и остается одним из самых активных борцов против фашизма в Англии и других странах. Несколько лет назад он рассказал мировой общественности правду о злодеяниях империалистов в Корее. Он много раз защищал на судебных процессах прогрессивных деятелей разных стран. Посещение Советского Союза называли Притт предать мировой общественности многообразие свидетельств любви советского народа к миру, опровергнуть клеветнические измышления, которые распространяют враги мира о стране социализма.

«В наши дни», — говорит Л. И. Притт, — Советский Союз стал признанным оплотом мира и дружбы между народами, и каждый день приносит новые доказательства того, что мирная политика Советского государства завоевывает признание и поддержку сотен миллионов людей на всех континентах земного шара».

Большой популярностью пользуется выдающийся представитель французского рабочего движения Ален Ле Жан. Генеральный секретарь Всесоюзной конфедерации труда Францис Ален Ле Жан — стойкий боец за мир, за счастье французского народа, за права трудящихся всех стран. Он связывает борьбу за экономические интересы народа с сопротивлением плану подготовки новой войны. Пламенно борющийся против войны в Индо-Китае, Ален Ле Жан отдает сейчас все энергию организации движения протеста против ратификации парижских соглашений.

Когда кубинский поэт Николай Гильен, вырвавшись из рук американской охраны, вошел в апреле 1949 года в зал Плейель в Париже, где тогда заседал первый Всемирный конгресс сторонников мира, члены оргкомитета вручили ему белого голубя. Крупнейший народный поэт Латинской Америки, замечательный художник и мастер, стихи которого не могут оставить равнодушным каждого, кто их прочтет, Николай Гильен пронаес однажды знаменательные слова, в которых с необычайной полнотой отразился его благородный облик. «Люди искусства», — сказал он, — которые считают, что в наши дни можно оставаться в стороне от борьбы за мир и равнодушными глазами взирать на бурный поток жизни, идущий мимо них, — предадут свою судьбу».

Широкий связи Гильена с латиноамериканскими писателями и деятелями культуры, борющимися за мир. Гильеном прочтано в Америке огромное количество докладов и лекций о борьбе за мир, он побывал в странах народной демократии и в Советском Союзе, его стихи знают на всех языках. Творчество Гильена, как и вся его общественная деятельность, проникнуто одной мыслью, одним стремлением, одной страстью — отстоять мир. Сейчас этот замечательный поэт находится в Москве. В качестве гостя он присутствует на съезде советских писателей.

К числу лучших произведений выдающегося немецкого драматурга и поэта Бертольда Брехта принадлежит «Жизнь Галилея». Меня, как ученого, особенно взволновала эта драматическая поэма о борьбе науки и прогресса с темными силами мракобесия и деспотизма. Но кто же не знает, что и сегодня с новой силой и в новых формах эта борьба между истинной куль-

турой и реакцией еще идет в значительной части мира. И Бертольд Брехт, подлинный наследник славных прогрессивных традиций немецкой литературы, один из крупнейших современных мастеров немецкого слова, находится сегодня в передовых рядах борцов против современной реакции и диктатуры, против всех и всяких форм империалистической агрессии.

Замечательным борцом за мир является и председатель Всемирного комитета защиты мира, выдающийся писатель и общественный деятель Бирми Такин Кодо Хуанг. Герой национально-освободительного движения Такин Кодо Хуанг сыграл большую роль в истории своей страны. Он широко известен в народных массах и горячо любим ими. Геру Такина Кодо Хуанга принадлежит большое количество литературных произведений самых различных жанров, а также труды по истории Бирмы, бирманской литературы и культуры. Патриотическое творчество Такина Кодо Хуанга оказало и продолжает оказывать большое влияние на новое поколение бирманской молодежи. Его выступления против войны в Корее и Индо-Китае, против человеконенавистнических планов американских агрессоровнискали ему всеобщее уважение борцов за мир в Азии, как, впрочем, и во всех других частях земного шара.

В современном мире огромная ответственность за будущее культуры и цивилизации лежит на плечах ученых. В наше время ученые, спокойно взвращивающие на умалиши и иезовичестве духовных ценностей, на использование науки во зло людям, на циничное извращение науки в угоду интересам агрессивных кругов, не

могут быть признаны достойными высокого звания деятелей науки.

Среди новых лауреатов Сталинских премий мы также видим выдающихся ученых. Председатель Комитета сторонников мира Швейцарии, профессор Лозаннского университета Андро Боннар, по его собственным словам, 38 лет своей жизни отдал воспитанию молодежи своей страны «в духе любви к истине, миру и Швейцарии». И вот этот, уже немолодой ученый-лингвист, включившийся в 1948 году в движение сторонников мира, за несколько лет прогрессивных, миролюбивых сил Швейцарии, приобрел широкую популярность, уважение и признательность как у себя на родине, так и в других странах мира. Андро Боннар призывает народ Швейцарии активно выступить вместе с французскими, немецкими и другими народами против войны, против планов вооружения Западной Германии. «Сегодня нам предстоит», — пишет ученый, — защитить Германию и Францию от тех (а среди них имеются не только немцы или французы), кто, кажется, договорился вступить эти несчастные народы в какой-то кровопролитный поход и прежде всего в кровавую войну, чтобы вернуть весь мир в катастрофу, которая приведет к уничтожению человечества и гибели цивилизации».

Давно уже борется за мир финский ученый, профессор университета в г. Хельсинки Феликс Иверсен. Без малого тридцать лет он руководит пафосической организацией «Союз мира Финляндии» и около двадцати лет — пафосическим объединением Скандинавии — Союзом мира северных стран». После того, как в Финляндии была создана организация «Сторонни-

ков мира», в нее как коллективный член сразу же вступил и «Союз мира», а его руководителем профессор Иверсен с новой силой развернул благотворную деятельность, которая находит поддержку в странах Северной Европы.

Большую роль в борьбе индонезийского народа за полное освобождение из-под власти империализма, за мир, против новой мировой войны играет крупный индонезийский лингвист профессор Прийоно из государственного университета в Джакарте. Он является вице-председателем Комитета защиты мира Индонезии.

Профессор Балдомуэро Сантин Каю, ученый-филолог и общественный деятель небольшой южноамериканской страны Колумбии, ценен и близок своему народу не только выдающимися научными заслугами и трудами, но и своей многолетней верностью либерализму и гуманизму, своей борьбой против американского засилья в Латинской Америке. Вот почему присуждение ему Сталинской премии мира будет, несомненно, с удовлетворением встречено широкими прогрессивными кругами латиноамериканских стран.

Великая битва за мир охватила сейчас всю нашу планету. Это грандиозная и поистине общечеловеческая борьба: все народы требуют возможности трудиться, создавать научные и культурные ценности в обстановке прочного мира.

С верой в полный и окончательный успех дела мира приветствует советская общественность мужественных борцов за мир, по заслугам увековеченных Сталинскими премиями мира. С верой в успех дела мира зовут советский народ все другие народы земного шара: заставят отступить кучку жидокапиталистической войны перед коллективной волей подавляющего большинства населения земли.

Акад. И. БАРДИН

ВЫСТУПЛЕНИЯ УЧАСТНИКОВ СЪЕЗДА

Речь В. КАТАЕВА МОСКВА

Максим Горький был человек необыкновенно многогранный, интересный. Как у каждого большого человека, настоящего самородка, гениального художника, у Горького был очень сложный, даже подчас противоречивый характер. В нем удивительно сочетались самые разнообразные элементы: ясное, точное детское простодушие и упрямая несогласность, безграничная доброта и непримиримость, провинциальность и доверчивость, веселье и грусть. Он умел быть то по-стариковски мудрым и мудрым, то совсем по-юношески порывистым и дерзновенным.

Однажды мы провели с Горьким в Сорренто великолепнейший вечер, даже ночь, которая протекла, как сон. Мы разговаривали до зари, смотрели на звезды, пели хором, гуляли, плясали. И Горький плясал больше всех. Прощаясь на рассвете, я спросил у него:

— Алексей Максимович, сколько же вам лет?

— Семнадцать! — ответил Горький, озорно сверкнув глазами, хотя ему в ту пору было едва ли не все шестьдесят. Он как раз в это время писал свою самую мудрую и самую зрелую повесть «Жизнь Клима Самгина».

Но при всем том в характере Максима Горького была одна наиболее осязаемая черта, которая явно выделяла среди всех других и благодаря которой Алексей Максимович Шенков встал великим Максимом Горьким. Эта черта была партийностью. Горький до мозга костей был человек партийный, хотя, кажется, формально к партии и не принадлежал.

Не приходится сомневаться, что Горько-партийца, Горько-большевика воспитал Ленин. Это исторический факт громадного общественно-политического значения. Все мы знаем и никогда не должны забывать о той дружбе, которая в течение многих лет связывала великого вождя Коммунистической партии В. И. Ленина с великим писателем земли русской Максимом Горьким.

Дружеские чувства не мешали Ленину со всей прямотой и чисто ленинской, бесподобной принципиальностью руководить Горьким, подчас указывая Горькому на его ошибки и дружеской, но твердой рукой направлять творчество великого писателя.

В период сталинской реакции, ведя самоотверженную и истинно титаническую работу по выводу партии пролетарской партии нового типа, среди множества забот, в самый разгар борьбы за очищение рядов российской социал-демократии от всецело скверны, Ленин ни на минуту не забывал о Горьком и постоянно держал его в курсе всего хода борьбы. Со своей стороны Горький делался с Лениным всеми своими самыми современными мыслями, связанными с этой великой исторической битвой, которая с особенной силой разгоралась перед первой мировой войной. Именно в это время выговывалось мировоззрение Горького — первого писателя-большевика, великого художника мирового пространства. Когда же совершилась Великая Октябрьская революция и в России восторжество-

вали идеи социализма, отношения между Лениным и Горьким стали еще более тесными, еще более деловыми.

Вот как об этом времени вспоминает сам Горький в письме М. Павловичу: «Я слишком часто обременял его (Ленина) — В. К. — в те трудные годы различными делами — гидротех, дефектные стрельбы по аэропланам и т. д., — великодушнейший Павел неутомительно называл все мои проекты «беллетристичкой и романтикой». Пришурит милый, острый и хитрый глаз и пошевеливает: выпрашивает: «гм-гм, — опять беллетристика».

Но иногда, выслушав, он уже знал, что это не «беллетристика». Изумительная была его способность конкретизировать, способность его «духовного зрения» видеть идеи воплощенными в жизнь...»

И дальше, со свойственной ему скромностью, Горький пишет: «Я написал о Владимире Ильиче плохо. Был слишком подавлен его смертью и слишком потрошится выкрывать мою личную боль об утрате человека, которого я любил очень».

Свою любовь к Ленину, Коммунистической партии Горький всегда старался принести и нам, молодым советским писателям. Никто не приложил столько усилий, чтобы сделать нашу родную советскую литературу партийной, как М. Горький.

Лично я — формально писатель беспартийный. Но уже в течение многих и многих лет я не отделил себя от партии. Я считаю себя обязанным подчиняться всем партийным решениям и, по мере своих сил, проводить партийную линию и бороться с ее искривлениями.

Своей внутренней, если можно так выразиться, духовной партийностью я обязан в первую очередь, конечно, общению с Горьким. Но не только с Горьким. Долгие годы дружил с Маяковским и Демьяном Водяным, укрепил во мне глубочайшее убеждение, что для того, чтобы написать что-либо порядочное, полезное для народа, нужно твердо стоять на идейных позициях коммунизма. Когда это чувство партийности во мне ослабевало, я писал плохо, когда чувство партийности во мне укреплялось, я писал лучше.

Теперь же, дожив до седых волос, на втором съезде партии я могу сказать с этой высокой трибуны: только подлинная, глубокая, продуманная и прочувствованная партийность может сделать наш художественный труд полезным народу и создать действительные ценности. Теперь уже нет с нами нашего Горького и нет с нами нашего Ленина, но есть партия, созданная Лениным, есть ее Центральный Комитет, и есть горьковский Союз советских писателей. И большая творческая дружба между ними продолжается.

Примером этому является приветствие, полученное нашим съездом от Центрального Комитета партии.

Будем же любить нашу партию так, как любил Горький Ленина. Пусть эта любовь с каждым годом растет и крепнет, и тогда нам не страшны никакие трудности. (Аплодисменты).

Речь С. УЛУГ-ЗАДЕ ТАДЖИКИСТАН

Двадцать лет назад на Первом всесоюзном съезде писателей А. М. Горький настойчиво призывал деятелей всех братских советских литератур достигнуть подлинно творческого сотрудничества. В этом Горький видел важное условие дальнейшего расцвета литературы советских народов.

За время после Первого съезда такое сотрудничество, означающее взаимное влияние и взаимное обогащение, было достигнуто нами, и это одно из самых больших успехов, составляющих богатство нашей многонациональной литературы за двадцать лет.

Основоположение таджикской советской литературы и ее классик Саидрида Айн, великие романы и повести которого вошли в круг чтения миллионов советских людей и переведены на ряд иностранных языков, говорил, что настоящим писателем сделала его учеба у Максима Горького. Коллективный опыт лучших мастеров многонациональной советской литературы является тем неисчерпаемым и живым источником, который орошает сады молодых братских литератур.

Тов. Сурков в своем докладе справедливо назвал признаком наступления зрелости большинства братских литератур бурное развитие в них за двадцатилетие между съездами прозы, равно как и появление крупных драматических произведений. Он сказал, что этот признак особенно ярко обозначился в братских литературах Советского Востока. И на самом деле — без Айна и Кербабаева, без Аузова и Мухомова, без Мирзы Ибратимова и Мехти Гусейна, без Айбека и Сыдыкбекова — любая характеристика современного состояния советской прозы была бы неполной.

В своем ярком, содержательном докладе о художественной прозе тов. Симонов живописно нам картину развития прозаической художественной литературы в советских республиках за двадцать лет, прошедших после Первого съезда.

Однако в аналитической части тов. Симонов, к сожалению, не привлек к анализу ни одной книги прозаика братских восточных литератур из отмеченных советской общественностью.

Товарищи, в день открытия съезда мы снова услышали голос родной Коммунистической партии, обращенный к советским литераторам, — приветствие Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза нашему съезду. В нем с предельной ясностью выражены мысли всего народа о нашей литературе, его радость и гордость успехами советских писателей и его огорчение нашими неудачами и неудачами, которые могли бы и не иметь места, если бы все мы работали в полную меру наших сил.

Указывая ЦК партии на то, что отдельные писатели не проявляют должной требовательности к своей работе, выпускают посредственные и слабые произведения,

полностью относятся и к таджикской литературе.

Лакровка действительности, замалчивание противоречий развития и трудности роста поставили вне доверия читателей и зрителей ряд повестей, пьес и стихотворных произведений таджикских литераторов.

Другое весьма серьезное упущение писателей Таджикистана — отсутствие у нас до сих пор сколько-нибудь значительных произведений в рабочем классе. Не подняты в должной мере и такие важные темы, как зарождение и рост советской интеллигенции в республиках Советского Востока, ранее отсталых и почти неграмотных, как осуществление при социализме полное раскрепощение женщин Советского Востока.

Следует сказать, что в этих упущениях грешны не только сами писатели, но и руководители Союза писателей. Союз писателей часто ограничивался лишь словесными указаниями писателям на важность той или другой темы. Но словесные указания надо было подкрепить соответствующей организаторской деятельностью.

Вспомните озаменованные последующим появлением больших и хороших произведений писательские бригады, направленные Горьким на Беломорканал или в Туркмению, вспомните огромную организаторскую работу Горького по созданию истории гражданской войны, истории фабрик и заводов и другие горьковские начинания, благодаря которым важнейшие для государства и народа темы становились темами множества книг и пьес.

Руководящие органы Союза писателей свои организаторские функции по руководству многонациональной нашей литературой осуществляют слабо, особенно в последние годы.

Мы должны возродить в Союзе писателей горьковский организаторский размах по сплочению и — я не боюсь этого слова — расстановке писательских сил на важнейших участках. Нельзя же, в самом деле, мириться с таким положением, когда наш Союз писателей часто является, особенно на местах, простым регистратором литературно-творческих фактов, а не их организатором.

Среди нас есть товарищи, которым противно всякое организационное начало в литературно-творческой работе, они, как огня, боятся его, считают это вмешательством в их «личную» творческую жизнь, а иным из этих товарищей кажется, что даже их собственный союз и то мешает им работать.

Но, к счастью, такие настроения не разделяются массой писателей. Абсолютное большинство писателей ответственно сознает, что вне союза, вне этой добровольной общественной организации, нам трудно было бы с успехом решать наши высокие и ответственные задачи. (Аплодисменты).

Речь В. КАВЕРИНА МОСКВА

В. Каверина начал свою речь воспоминанием об одном литературном диспуте в 1919 году, на котором выступил В. Маяковский.

— Большой человек крупно, но мягко шагал по эстраде и говорил, говорил... Я впервые слышал этот низкий голос, похожий то на приближавшийся, то удаляющийся гром. Это был голос человека, писавшего стихи, которые невозможно читать шепотом... Он говорил о труде писателя. Он требовал от нас ежедневного подвига — «ежедневного и чернорабочего, если это будет нужно народу»...

Могучая поэзия Маяковского участвует в развитии нашей литературы. Но оценено ли глубоко поучительное значение мучительного труда этого великого поэта, тавящего всегда и везде, просящегося ночью, чтобы записать приснившийся рифму, задумывающегося среди оживленного разговора? «Мой стих трудом громады лет прорвет».

Что такое работа писателя и почему этот вопрос в наши дни кажется мне существовавшим важным?

Некогда Горький рассказывал нам, тогда начинающим писателям, как нужно действовать в литературе. Все кажется легким в юности, и я, помнится, был поражен, услышав от него, что труд писателя — это именно труд, то есть ежедневное, может быть, ежедневное писание — на бумаге или в уме. Это — горы черновиков, десятки отвергнутых вариантов. Это — терпение, потому что талант обрывает писателя на особенную жизнь и в этой жизни главное — терпение.

Когда-то мне казалось, что для того, чтобы изобразить то необычайное время, в котором мы живем, нужно отказаться от задач чисто литературных, потому что непосредственное знание жизни само подскажет то или другое решение литературной задачи. Теперь я вижу, что был неправ.

В первые послевоенные годы то и дело появлялись новые имена. Свежий материал ворвался в литературу, и казалось, что развитие ее идет быстрым и верным путем. Были написаны правдивые книги о виденном и пережитом, и благодарный читатель, который сам был участником и очевидцем народных испытаний, легко прощал им из молодых и горячливости, и несовершенство частей, и небрежности стиля.

Но вот прошли те недели, те месяцы, а годы, и многие писатели, выступившие с яркими, запоминающимися произведениями, остались авторами одной книги. Почему они замолчали? Потому что огромный жизненный опыт потребовал от них столь же огромной работы. Потому, что у них не хватило смелости, уверенности в себе, профессиональной хватки.

Настоящая литература начинается там, где происходит открытие — открытие не только для читателя, но и для писателя. Настоящий роман должен быть построен так, чтобы, если расписать его на отдельных страницах, его мог бы собрать даже ребенок. Именно этим подлинное произведение отличается от хроники, инвентаря наблюдений, от мнимой литературы, в которой материал гласенствует над искусством.

Можно представить себе длинную галерею произведений на военные темы, в которых степень художественного воплощения материала будет постепенно усиливаться, достигая все большей тонкости и глубины. Здесь и «Люди с чистой совестью» И. Вершигоро, и «В окопах Сталинграда» В. Некрасова, и пресподходящая, с моей точки зрения, повесть Э. Казакевича «Сердце друга», и не лучшую еще должную оценку роман В. Гроссмана «За правое дело».

Но с чувством сожаления встречаешь в этой галерее с книгами, которые не дай бог расписать — пожалуй, и сами авторы не в силах будут определить последовательность страниц, если их своеобразие не переучивала машинистка. По сути дела, это авторы еще не написанные книги. Книги их опубликованы, но они лишь слабый, приблизительный набросок того, что могло и что должно было бы быть. Авторы подобных книг — это люди, не прошедшие профессиональной писательской школы, остановившиеся перед трудностями техники, не разработавшие своего таланта. Это относится и не только к молодым. Писатели, доказавшие своими первыми книгами, что у них есть о чем рассказать народу, не имеют права не работать.

Ненаписанные книги занимают место на библиотечных полках, на книжных прилавках, в редакционных портфелях. Возможно, что если бы уровень редакционной работы наших журналов и издательств был значительно выше, многие из этих книг заняли бы место не только на библиотечной полке, но и в сознании читателей.

Литературная школа, техника работы — вот о чем нужно говорить там, где писатели собрались, чтобы обсудить свои профессиональные задачи. Нужно говорить о том, как работать. Десятки сомнений одолевают романтиста, который пятый или шестой год пишет свою большую книгу. Верно ли изображен тот или другой герой, удалось ли правильно нарисовать обстановку, занимательно ли развиваться сюжет, не напугал ли он в подробностях и — самое главное — диктует ли его произведение нашу литературу вперед хоть на шаг? С усталой головой приходит он на то или другое собрание. И писатели один за другим выступают с речами, в которых о литературе, как таковой, нет ни единого слова.

Жизнь Союза советских писателей занимает всех со всеми ее достоинствами и недостатками, а жизнь литературы и ее достатки, а жизнь литературы и ее недостатки у нас маячат где-то на втором плане.

У нас большая, любимая народом, окруженная самими требовательными в мире читателями, имеющая мировое значение, литература. Но в сложном ее хозяйстве нам предстоит еще сделать немало.

В общей картине будущего, которую я вижу перед собой, многое пока еще представляется несколько фантастическим. Но от нас зависит вдохнуть в нее подлинную, реальную жизнь.

Я вижу литературу, в которой сильная, самостоятельная критика смело определяет путь развития писателя, его возможности и перспективы.

Я вижу литературу, в которой самые опытные, самые знаменитые писатели работают, не отвлекаясь ничем и не заставляя читателей десятилетиями дожидаться окончания своих произведений.

Я вижу литературу, в которой молодые и старые не устает учиться и учиться. Маяковский говорил: не беда, если моя новая вещь хуже предыдущей; беда, если она не в нее похочет.

Я вижу литературу, в которой редакция смело поддерживает произведения, появившиеся в их журналах, отставшая самостоятельный взгляд на вещи и не давая в обиду автора, нуждающегося в защите.

Я вижу литературу, в которой критика разбирает произведения с позиций автора, не мериая всех на одну мерку и помня слова Пушкина, что писателя должно судить по законам, а не самим над собой признанием себе, профессиональной хватки.

Я вижу литературу, в которой любой самый влиятельный отзыв не закрывает дорогу произведению, потому что судьба книги — это судьба писателя, а к судьбе писателя нужно относиться бережно и с любовью.

Я вижу литературу, в которой личные отношения не играют ни малейшей роли, в которой появление Суровых даже вообразить невозможно.

Я вижу литературу, в которой на первом плане в сознании писателя, члена редакции, члена секретариата Союза писателей стоит забота о создании новых произведений, потому что это и есть наше главное дело.

Я вижу литературу, в которой приклеивание ярлыков считается позором и предостерегается в уголовном порядке, которая помнит и любит свое прошлое. Помнит, например, что сделал Юрий Тынянов для нашего исторического романа и что сделал М. Булгаков для нашей драматургии.

Я вижу литературу, которая не отстает от жизни, а ведет ее за собой. Маркс писал о Бальзаке, что его сила заключается не только в том, что он изображал людей своего времени, но предсказал характеры, которые еще должны были появиться. И они действительно появились.

Найдутся мрачные скептики, которые скажут, что все это — несбыточные надежды. Но, мне кажется, что у нас есть все возможности, чтобы эта картина стала живой действительностью нашей литературы.

В. И. Ленин, цитируя Писарева, писал: «Когда есть какое-нибудь соприкосновение между мечтой и жизнью, тогда все обстоит благополучно». (Аплодисменты).

Речь А. ЛУПАНА МОЛДАВИЯ

Молдавская советская литература родилась, выросла и окрепла благодаря неустанной заботе Коммунистической партии и Советского правительства, благодаря большой помощи писателей братских народов и в первую очередь писателей великого русского народа.

Молдавия хранит память о великих писателях, которые интересовались ее судьбами и ее самой интересной историей. Писателями были Горький, Толстой, Короленко, Коцюбинский и другие.

Гениальный русский поэт Пушкин, проживший несколько лет в Бессарабии, был хорошо знаком с молдавским фольклором, использовал его в своих произведениях. На всех этапах развития Советской Молдавской республики, с первых дней существования ее, наши писатели участвовали в строительстве новой жизни, отображая в своих произведениях передовых людей — строителей социализма.

Наиболее плодотворный период в развитии молдавской литературы начинается после Великой Отечественной войны. Именно в это время были созданы лучшие произведения нашей поэзии, прозы и драматургии. Достойным широкого читателя стали повести «Огонь» И. Куктовецкого, «Во Флоренцах» и «Вужоране» Л. Варского, «Товарищ Ваня» С. Шляху, «Гора виноградная» А. Коэску; романы «Растут эдаки» Ем. Букова, «Пробуждение» А. Липсана, «Юры» И. К. Чобану, а также рассказы И. Друца, А. Шаларь. В поэзии: «Страна моя» и многие стихи Ем. Букова, «Похороны», «Аллея мира» Б. Петру, «Наше утро» П. Крученюка, стихи и повести Л. Корняну, Л. Деляну, П. Менюка, Ф. Филомари, И. Даренко, А. Гужель и др.

Большая работа проделана молдавскими писателями по переводу на родной язык лучших произведений русской классической и советской литературы, а также классиков других литератур. Первые наш читатель получил на родном языке бесценные произведения Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Толстого, Чехова, Горького, Маяковского, Шевченко, Коцюбинского и многих других. Эта работа имела большое значение на творческий рост наших писателей и явилась для нас своеобразным экзаменом.

Одним из важных и сложных вопросов представляется нам вопрос о классическом наследии. ЦК Коммунистической партии Молдавии помог нам правильно решить его. Большую помощь оказали нам в этом деле Академия наук СССР, русские ученые и писатели. Благодаря этому мы уже издали замечательные произведения М. Эмнеску, И. Кригэ, В. Александри, К. Негруци и других классиков молдавской и румынской литературы.

Нас удивляет, что все эти достижения целой литературы не были хоть мало-мало отмечены в докладе и содокладах в большой теме советской литературы. Думаю, что так случилось не по вине этой литературы, а из-за духа канцелярищины, от которого и свобода деятельности коммисии по литературе народов СССР.

Все меньше встречается в нашей среде литераторов, которые, словно избалованные школьниками, стараются выманить всякими маневрами, просьбами и угрозами незаслуженные оценки и даже медали.

Роль критики не сводится только к тому, чтобы давать оценки произведениям. Критика является школой писателя. Она должна помогать писателю видеть в своем произведении то, что он сам не видит, и указывать на то, что он сам не видит.

Весь опыт великих писателей показывает, что литературное творчество — громадный, иногда невероятный труд, такой труд, который можно назвать настоящим подвигом. Мне кажется, решая наши творческие вопросы, мы не должны освобождать себя от этого трудового человеческого подвига. (Аплодисменты).

Речь П. БРОВКИ БЕЛОРУССИЯ

Советская многонациональная литература пришла ко Второму съезду писателей СССР со значительными и несомненными достижениями. Мне радостно, что с этой высокой трибуны и я могу заявить о крупных успехах белорусской советской литературы. Наша литература сравнительно молода — только после Великой Октябрьской социалистической революции она вышла на широкий путь развития.

Сегодня белорусское художественное слово занимает свое почетное место в литературе братских народов Советского Союза. «Ищите правду», — учит нас Коммунистическая партия. Указания нашей партии стали были главным направлением началом в развитии белорусской советской литературы. Глубокая народность — наиболее характерная черта творчества лучших поэтов и писателей. Умение подметить новое, сказать о главном, что сегодня волнует народ, учил молодое поколение литераторов Янка Купала и Якуб Колас.

Невозможно в кратком выступлении рассказать о многих произведениях нашей литературы, но мне хочется сказать, что еще в довоенные годы такие произведения, как роман Кузьмы Чорного «Третье поколение», пьесы «Партизаны» и «Кто смеется последним» Кандрата Крапыны, повести и рассказы З. Вядули, Э. Самуйленка и других глубоко и правдиво отображали жизнь белорусского народа.

В годы Великой Отечественной войны белорусская советская литература, как и весь белорусский народ, была в первых рядах борьбы с ненавистным врагом за свободу и независимость нашей великой Родины. В послевоенные годы у нас появилось немало значительных произведений, посвященных мирной социалистической труду народа. Романы И. Шамякина «В добрый час», М. Последовича «Свет над Липском», повести Я. Брыля «В Заболотье светает», А. Кулаковского «Закалка», произведения Т. Ходкевича, П. Курского, В. Крайченя, И. Грамовича — эти книги посвящены важнейшим событиям, которыми живет наш народ сегодня, — дальнейшему укреплению колхозного строя и жизни растущего рабочего класса Белоруссии. Поэмы и стихи А. Кулакова, М. Танка, П. Глебик, П. Панченко, Е. Киреевко, М. Лужанна, А. Зариченко, М. Калачинского, В. Витки, А. Беленькая и других также посвящены героике наших дней.

Союз советских писателей СССР много сделал для развития национальной литературы. По растущие с каждым днем литературы требуют к себе все возрастающего внимания. Неправы товарищи, которые говорили о неуместности комиссии по литературе народов СССР. Ее надо расширить и укрепить. Президиум правления ССР СССР должен считать работу по руководству литераторами народов СССР одной из главных своих обязанностей.

Надо горьковски заботливо относиться к росту национальных литератур и делать все то, что необходимо для их дальнейшего успешного развития. (Аплодисменты).

ВТОРОЙ ВСЕСОЮЗНЫЙ СЪЕЗД СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ. На снимке: Илья Эрзенбург беседует с Александром Морозовым — автором книги «Лемносцы». Фото В. Леонова

ВЫСТУПЛЕНИЯ УЧАСТНИКОВ СЪЕЗДА

Речь А. ПРОКОФЬЕВА ЛЕНИНГРАД

Во Второму съезду мы, ленинградцы, получили от Центрального Комитета партии замечательный подарок: у нас будет второй литературно-художественный и общественно-политический журнал «Новый журнал», несомненно, плодотворно повлияет на жизнь нашей писательской организации. Он заставит лучше работать редакция старейшего журнала «Звезда»: обе редакции будут соревноваться, работа пойдет веселой.

Огромные, ответственные задачи ставят перед писателями. Мы не святели, мы участники, мы солдаты великой армии борцов за мир. Надо сказать, что мы, поэты, все же зачастую работаем не в полную силу, и, наверное, поэтому возникают заунывные голоса об отставании поэзии.

Мы все стоим за то, чтобы было больше поэтов хороших и разных. Это общепризнано, но любители стричь поэзию под одну гребенку, к сожалению, еще не перевелись.

В нашем народе бьются песни-игры, когда песня не распеваема, а иллюстрируется, так сказать, разыгрывается. Так вот в данном случае некий критик, он ли она ли — безразлично, уподобляясь красной ленте из популярной русской песни «Вдоль да по реке», поет одну и ту же полюбившуюся ему строфу:

Уж она их и шепет,
Уж она их и гладит,
Волос к волосу кладет.

Одновременно с пенем происходит и действие: он или она «шеплет и гладит», и так иногда причисывают и приглаживают стихи, что от них, от их самостоятельности ничего не остается.

То же иногда делает и некий редактор-инвалидизатор, и некий тусклый редактор, про которых можно и должно сказать: «Изданы нас, боже, от таких друзей, а от врагов мы сами избавимся».

И, к сожалению, не мог выслушать выступление Степана Шпачева, но я узнал от товарищей его мнение относительно «обоймы». Полностью солидаризируюсь с ним, я выражаю здесь мою передуманье, без всяких влияний и замислований. Неужели не ясно всем пишущим крити-

ческие статьи, в частности о поэзии, что она отнюдь не определяется достижениями только пяти имен в Российской Федерации, так же как и на Украине, в Белоруссии и в других советских республиках? Отнюдь нет! Думаю, что и товарищам, включенным в «обойму», не совсем удобно. Тесно им, не повернуться! Надо покончить с «обоймой», со сложившейся, помимо нашей воли, «сектой неприкасаемых», и чем скорее, тем лучше.

Содокладчик по разделу поэзии Самед Вурган в своем пространном содокладчике словом не упомянул о таком, как мне думается, значительном произведении полевой поэзии, как поэма А. Твардовского «За далью — даль».

А следовало бы! Могут сказать, что поэма еще не опечена. Но разве не видно по размаху, что об этой широкого дыхания поэме стоит говорить!

От имени ленинградских писателей я обращаюсь к съезду со следующими просьбами и предложениями, имеющими важное значение для нашей организации.

В Ленинграде работает много писателей для детей, среди которых такие известные всей стране литераторы, как В. Бианки, Е. Шварц, Л. Пантелеев, — авторы большой литературы для маленьких.

До войны у нас было два детских журнала «Чиж» и «Костер». Война прекратила эти издания, и после ее окончания они не возобновлялись.

Мы настоятельно просим возобновить издание детского журнала в Ленинграде, а также деятельности Ленинградского отделения издательства «Молодая гвардия».

За последнее время несколько замедлился рост Ленинградской писательской организации, хотя именно за это время значительно увеличилась у нас приток новых имен в прозу и поэзию. Одной из серьезных причин замедленного роста организации является затяжное оформление и не всегда объективное отношение к нашим рекомендациям со стороны комиссии по приему в Союз советских писателей.

Я прошу будущее новое правление союза дать нам большую самостоятельность. Мы выросли, пора нам расправлять крылья! (Аплодисменты).

Речь Ф. ГЛАДКОВА МОСКВА

Дорогие друзья мои!
Я не могу удержаться, чтобы с этой трибуны не сказать вам слов задушевного привета и большой любви к вам, моим соотечественникам.

Я не оратор, поэтому хочу скромно поделиться с вами своими думами и чувствами.

За двадцать лет наша страна пережила огромные исторические события и перемены, и наша литература, как выражение духа народа, создала за эти годы произведения большой значимости, как литература эпохально новая, самобытная — социалистическая литература. Глубоко человеческая, одухотворенная идеей коммунизма, она является самой революционной литературой в мире.

В своем писании о «Пементе» Горький писал, что фигура главного героя книги романтизирована. «Но это так и надо», — прибавил он и продолжал: «Современность вполне закономерно требует, чтобы автор, художник не закрывал глаз на явления отрицательные, подчеркивал и тем самым романтизировал положительные явления... Однако поймите меня: я говорю не о том романтизме устаревших действительности и бегущих от нее в область фантазии, а о романтизме верующих, о романтизме людей, которые умеют стать выше действительности, смеют смотреть на нее, как на сырой материал и создают из этого материала — хорошее, делаемое. Это — позиция истинного революционера и это его право».

Это письмо написано около 30 лет назад. Мы тогда уже строили социализм. Мы построили его и постепенно переходим к коммунизму. Кое-что из «плохого старого» еще осталось, как пережитки далекого прошлого. Но социалистический реализм пользуется не в меньшей степени, чем критический реализм, средствами разоблачения и обличения всего нам чуждого, враждебного, унижающего достоинство нашего человека. — с этим наш реализм борется, как с пережитками прошлого.

Нельзя отрывать настоящее от минувшего, потому что настоящее — это результат самоотверженной борьбы наших предшественников за социалистический идеал. Наши люди не являлись как чудесная вневещность. Они закалялись в революционных бурях и воспитывались партийными многими годами. Я первый, кажется, начал писать поэму о социалистическом строительстве, о людях нового типа. «Пемент» — это моя молодость и горячий слез мой партийной работы. А теперь вот дружба наз эпошей о русском народе, о событиях и людях начала нашего века вплоть до революции. Но, ей богу, товарищи, я пишу о современности. Я дерзая причислять себя к самым молодым, потому что я не хочу стареть, я желаю сохранить молодость пожизненно, потому что наша жизнь — это многогранное и наступательное творчество, а в творчестве, в создании нового люди не стареют, а молодеют с каждым днем.

Художник, баян своего народа, не мечтает об иллюзорном, идеальном герое. Эти праздные мечты — плод маяковского предрасположения. Это в манящем парадизе обитает некий идеальный призрак и притягивает всех отношений «бесконфликтность» с «притворной ласковостью» и поддельной «краской лант».

Писатель, если он находится в гуще народа и знает свой народ, создает произведения большой правдивости. Он радуется радостями своих современников, страдает вместе с ними, гневается их гневом. Он — створный реалист, и ему чужды бесцветные восторги и гимны. Пути к коммунизму не усыпаны цветами. Это — трудные пути, полные борьбы и тяжелых испытаний.

У писателя одна судьба — вдохновенное служение народу. Нужды народа, думы

народа, стремления и идеалы народа — это нужды, думы, стремления писателя. А по нему он обязан быть вперед движения, быть примером для множества и в моральном и в духовном отношении. А чтобы иметь право воспитывать других, надо постоянно воспитывать самого себя и сохранять, по выражению Некрасова, «святое недовольство... то недовольство, при котором нет ни самообольщения, ни застоя».

Для дальнейшего расцвета нашей литературы необходима крепкая взаимная творческая связь. Ничего нет вреднее, как нивелировка литераторов. Надо раз навсегда помнить и понимать, что каждое дарование индивидуально, что творческие индивидуальности нуждаются в свободном содружестве.

О самобытности писателя, о его творческой личности, о том, внес ли он что-либо новое в литературу, в критике не говорится ни слова, причем критики почти коловно повторяют друг друга. А ведь задача критики и состоит в том, чтобы раскрыть творческие особенности писателя, его искусство со стороны содержания и формы.

Но я бы не был прав, если бы не отметил, что за эти годы критика все-таки дала ряд серьезных работ. На мой взгляд, критика и литературоведение должны быть неразделимы. Выходят на литературную дорогу и молодые, даровитые литераторы, критики, которые с успехом защищают диссертации по советской литературе. Некоторые из этих диссертаций достойны опубликования, как ценные научные труды, в которых есть большая нужда. Очевидно, Союзу писателей необходимо собирать и организовывать эти молодые кадры и руководить их дальнейшей работой.

В связи с этим необходимо обратить внимание на очень важный факт. До сих пор не появились ни одного основоположного труда по марксистской эстетике и психологии творчества. А нашим философам давно пора приступить к этой серьезнейшей и ответственной работе. Советская литература представляет для этого богатейший материал.

Надо иметь в виду, что идеалисты всех мастей за рубежом изо всех сил стараются отравлять сознание масс своим колдовством в области эстетики. А мы пока слабо противоборствуем. Неудивительно, что эти колдования проникают к нам, как диверсия, и сбивают с толку кое-кого из интеллигенции. Внимательность наша должна выражаться прежде всего в теоретической разработке проблем марксистской эстетики, научном обосновании творческого метода социалистического реализма.

Говоря о творческих задачах и о работе литераторов, нельзя умолчать о важнейшей проблеме писателя, о мастерстве писателя. Русская литература в вековом своем развитии и процветании создала высокую культуру языка, эстетически прекрасного и богатого, глубоко народного и по духу своему, и по мудрости, и по красоте.

Формальная эстетика речи рождается и формируется только на основе богатой сокровищницы языка. А у нас критики часто обладают весьма ограниченными запасом слов и критикуют писателя иногда за народные словосочетания, которых они никогда не слышали. Надо воспитывать в себе чуждость к языку, искать наиболее выразительные и объемные синонимы, ни на минуту не забывая о своей ответственности перед миллионным читателем.

Надо постоянно развивать в себе способность к самокритике. Без самокритики, без требовательности к себе не может расти художник. Самолюбование и самообольщение — удел графоманов. К сожалению, многие из литераторов пишут многословно, невыразительно, иногда целые странички лишние. Забывается завет Некрасова:

надо писать так, чтобы словам было тесно, мыслям — просторно.

Предельная эстетика речи в наших художественных произведениях — это все. Никогда не надо забывать наказов Горького о чистоте и смысловой точности языка.

И обращаюсь к нашей писательской молодежи, которая еще не приобрела достаточного литературного опыта и не развита ее дара самокритики. Надо понять, что в народе наш стал культурно высок и чрезвычайно тонко разбирается в наших книгах. Он подчас непрост и поучит автора, как надо обращаться со словом. Он замечает малейшие ошибки.

Каждая книга писателя, если она написана кровью сердца, — это воплощение самых заветных его дум, это — целая эпоха жизни его души, это — парос идейного и общественного служения. Это его главная книга, которая пишется им всю жизнь. Прекрасно писала об этом Ольга Берггольц. Какова книга — такой и писатель, как человек. Вот почему Союз писателей по назначению своему должен быть творческой организацией, а не административным органом. Надо создать в нем атмосферу творческого сотрудничества и соревнования, обеспечить свободу литературного содружества, потому что, как учил Ленин, «литературное дело всего менее поддается механическому равнению, нивелированию...».

Острая, товарищеская критика системы работы руководства ставит серьезный вопрос о коренном пересмотре этой системы, о создании условий для живого творческого общения писателей и морально-идейного совершенствования.

Товарищи! Наша советская многонациональная литература пришла ко Второму съезду монолитной и могучей силой. Ее мировое значение велико: по ней равняется и у нее учится прогрессивная литература зарубежных стран. Как литература социалистической страны, она показывает в своих творческих образах решающую роль трудовых масс, как деятелей истории, как творцов нового коммунистического мира. Созданные ею образы героев, как выразителей творческих сил народа, героев, внутренний мир которых и богат духовно и сложен, как сложна наша болевая, творческая действительность, — вошли в сознание народа неугасимо, как родные и любимые образы. В этом — яркое своеобразие нашей литературы. Ведь личность советского человека — высоко интеллектуальна, она уже изживает существенные различия между умственным и физическим трудом, противоречия между собой и коллективом, между внутренней жизнью и производством. Ее судьба неразрывно связана с судьбой всей страны. А писатель — не сторонний наблюдатель, а один из творческих деятелей миллионов. Он самый счастливый художник в мире. Зная свое историческое назначение, социалистический писатель, как летописец наших великих дел и свершений, как чуткий проводник человечности, одного не должен забывать — не отрываться от народа, всегда быть в «числе драки», по выражению Успенского, и остерегаться соблазна «вариться в собственном соку», памятуя, что это ведет к моральному разложению.

Я не сомневаюсь, что наш съезд в интересах дальнейшего расцвета литературы даст директивы к пересмотру системы руководства писательскими организациями и создаст программу живой плодотворной деятельности творческих коллективов.

Вперед, товарищи, к новым вершинам! (Продолжительные аплодисменты).

Речь Н. ЧЕРКАСОВА ЛЕНИНГРАД

Дорогие товарищи! Дорогие друзья по оружию! Двадцать лет тому назад, приветствуя Первый съезд советских писателей, Константин Сергеевич Станиславский писал:

«Задача всякого искусства — создание жизни человеческой души и передача ее в художественной форме. Горячо ждем писателям отразить в красивой и художественной форме эту жизнь человеческой души нашей эпохи».

Жизнь наша становится все более интересной, все более наполненной и все более глубокой; все более прекрасной становится душа нашего нового человека. И попрежнему писатели не выполняют своего главного долга — отразить этого человека, эту созидательную, творческую жизнь в произведениях, написанных для театра.

Мы, актеры, не только связаны неразрывными, нерасторжимыми нитями с творческим драматургом. Без него мы просто не существуем на свете. Для нас создание драматурга — это почва, и воздух, и хлеб, это наша духовная основа, это вся наша жизнь.

Потому мы, актеры, пришли на трибуну съезда не только как гости, не только как заинтересованные друзья, но и как люди, творческая жизнь которых находится в ваших руках. Вот почему вопросы, которые решаются в эти дни на трибуне съезда, определяют все наше будущее.

Никто не знает так полно, как мы, актеры, реакции зрителей. Мы знаем непосредственную и значительную тишину в зрительном зале, знаем раскаты звонкого смеха и суровое, осуждающее негодование, потому что именно мы являемся теми действующими лицами спектакля, которым адресуется и этот гнев, и это признание, и презрение, и восторг.

Но именно мы особенно опущаем и особенно страдаем от той равнодушной реакции, которая бывает в зале, когда зрители с холоком относятся к поступкам действующих лиц, когда судьбы героев текут преднамеренно и спокойно, не воспламеняя тех, кто должен был следить за ними, затаяв дыхание.

Почему мы чашею не видим очереди у касс драматических театров в те дни, когда в них идут пьесы о нашей действительности, то есть самые нужные, самые важные и определяющие наше творчество пьесы?

Конечно, не потому, что хоть сколько-нибудь остыл в зрительях интерес к тому, что происходит вокруг них. Но потому, что слишком редко театр открывает им нечто новое, чего они еще не знают и что хотели бы узнать. Поэзия — это всегда езда в неизвестное. Так и спектакль должен быть каждый раз поездкой в неизведанный, но интересный мир человеческих чувств.

Мы много спорим о том, каким должен быть герой, мы распределяем его достоинства и недостатки так, как будто речь идет о дневном рационе питания или о наборе предметов, которые нужно захватить с собой в дорогу.

И играл профессор Поджаева в фильме «Депутат Балтика». Это был положительный герой. Были ли у него недостатки?

Речь Н. РЫБАКА УКРАИНА

Советский исторический роман завоевал внимание и любовь многомиллионного читателя в Советской стране и за рубежом.

Я не могу согласиться с попытками некоторых критиков и литераторов, которые утверждали, что писатели, работающие в историческом жанре, уходят в прошлое, то есть отгораживаются от действительности. Если историческая тема — тема не современная, то она, безусловно, тема современная.

Народы нашей страны хотят знать правду о своем прошлом, хотят знать правду о своих героях, борющихся в далекие годы за свободу и независимость Родины. Народ — творец истории, и разве не великая честь для советских литераторов показать народных героев, создававших силу и мощь нашей Родины?

Тов. Фадеев в одном из своих выступлений справедливо сказал о том, что у настоящего партийного литератора любая книга о прошлом должна быть боевой книгой, которая борется с сегодняшним идейным противником. Это прекрасные слова, и

они должны быть критерием, определяющим ценность той или иной книги, написанной на историческую тему.

У нас были книги на исторические темы, написанные с неверных позиций, книги, в которых основное место отведено не царям и полководцам, а народ существовал лишь безликой массой.

Могучий талант Алексея Толстого воскресил перед многомиллионными читателями сложную петровскую эпоху, и созданный им роман «Петр I» может быть назван классическим советским историческим романом. «Абай» Ауэзова, «Разли» Степановича, «Емельян Пугачев» Пинчукова, «Стелан Разин» Зайкина стали любимыми книгами советского народа, потому что в них правдиво и ярко показано прошлое нашего народа. Следует отметить также книги и на исторические темы для детей Н. Кончаловской «Нама древняя столица» и Оксаны Иваненко «Пути Тараса».

Буржуазная литература усиленно культивирует особый жанр, с позволениям сказать, «исторического» романа. Если фран-

цузский писатель Андро Моруа еще претендовал на довольно условную объективность в изображении тех или иных исторических событий, то его последователи в других буржуазных странах стараются изо всех сил создавать легкое читиво, ничего общего с историей и исторической правдой не имеющие.

Советские писатели, написавшие ряд исторических романов и повестей, не удачная и не ухудшая историю, стремились воссоздать правдивую картину жизни, труда и борьбы народа. И главной особенностью советского исторического романа является то, что в нем историческая правда становится правдой художественной.

Националисты и космополиты, неся за рубежом службу нечистых псов империализма, написали и пишут сейчас живые и клеветнические книги о прошлом украинского народа. Особую ярость у них вызывает период освобождения украинского народа за воссоединение с великим русским народом. Они пытаются всячески умалить роль и значение Богдана Хмельницкого, извратить весь смысл той борьбы, которую вел народ под его водительством за воссоединение с братским русским народом, показать борьбу не против польской шляхты, а вообще против польского народа. Один из таких вредных брошюрчиков в дни празднования 300-летия Переяславской рады дописался до того, что усомнился, была ли вообще такая рада.

Советская украинская проза в области исторического романа достигла значительных успехов. Об этом свидетельствуют произведения Ивана Ле. Хижняка, Смолича,

Панча, Бучера и других. Исторические романы этих писателей своеобразными и образными средствами разоблачают так называемую «теорию» единого потока, создавая правдивые картины великой освободительной борьбы украинского народа за воссоединение с великим русским народом.

Спору нет, генеральной линией нашей литературы является показ современного положительного героя, но мы не можем и, конечно, не будем считать, что темы нашего прошлого уже окончательно и окончательно разработаны. Почетной и великой задачей наших литераторов является создание правдивых книг о великих событиях Октября, о славной Коммунистической партии Советского Союза.

На Первом съезде писателей А. М. Горький в своем докладе сказал:

«Мы не знаем истории нашего прошлого... Нам нужно знать историю прошлого союзных республик... Нам необходимо знать все, что было в прошлом, но не так, как об этом уже рассказано, а так, как все это освещается учением Маркса—Ленина—Сталина и как это реализуется трудом на фабриках и на полях — трудом, который организует, которым руководит новая сила истории — воля и разум пролетарата Союза Социалистических Республик».

Советские писатели далеко еще не полностью ответили своими книгами на этот призыв великого Горького. Однако то лучше, что создано нашей литературой в этом жанре, является важным вкладом в общую сокровищницу многонациональной великой советской литературы. (Аплодисменты).

Речь Н. ЭРКАЯ МОРДОВИЯ

Мы счастливы тем, что Великий Октябрь дал мордовскому народу возможность приблизиться к великим завоеваниям человеческой культуры. С помощью русского языка мы познали бессмертные труды Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина, переведенные ныне на мордовский язык. Наш народ на своем языке читает Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Некрасова, Толстого, Тургенева, Чехова, Горького, Маяковского, Шевченко, Абая Кулайбаева. На мордовский язык переведены произведения Николая Островского, Шолохова, Фадеева, Тимина, Исакковского и многих других современных советских писателей. На наш язык переведены произведения классика китайской литературы Лу Синя, выдающегося французского писателя Юго, бесстрашного борца с фашизмом Фучика, переводится произведения индийского писателя Рабиндраната Тагора, в нашем театре идут пьесы Лесина, Гюго...

Мордовская письменная художественная литература — одна из самых молодых национальных литератур нашей страны.

В Первом съезде мордовские писатели имели не более десяти выписок, преимущественно стихов, где порой еще неумело, но с большой верой в силу нового искусства отражали взволнованные, радостные чувства освобожденного народа. Годы между двумя съездами были годами формирования мордовской литературы. При помощи мордовской партийной организации, Союза советских писателей СССР, всей общественности Мордовии мы добились некоторых положительных результатов.

Только за последние годы в Мордовии издано 60 книг мордовских писателей и 75 книг переводов произведений русских писателей и писателей народов СССР, выпущено 15 номеров литературно-художественных альманахов на русском, армянском и мордовском языках.

Развитие мордовской литературы последние лет ознаменовалось появлением крупных произведений: романа «Дели Молла» («Широкая Молла») Тимофея Кирьякина, «В семье единой» Ивана Антонова, «Светлый путь» Алексея Лукьянова, нескольких повестей, поэм и сборников рассказов. Второй год на русском языке с успехом идет в Мордовском драматическом театре пьеса Петра Кирдялова «Учительница». На русский язык переведены три романа. Появились новые пьесы — «Агроном Батаев» А. Шеглова, «Исаа владает в Волгу» И. Кишнякова.

Хочется поставить перед делегатами съезда, на наш взгляд, серьезный вопрос о редакторах в издательствах и заведующих литературными отделами в газетах. Опытных редакторов-литераторов у нас еще мало, особенно в областных издательствах. Пора серьезно заняться подготовкой высококвалифицированных редакторов и литературоведов. По моему мнению, необходимо в Литературном институте организовать факультет редакторов издательств.

В Мордовии, кроме альманахов, нет до сих пор своего периодического органа, нет литературно-художественных журналов, вокруг которых мы могли бы организовать творческий актив и где мы могли бы печатать свои произведения. Союз советских писателей должен помочь нам восстановить журналы, которые у нас выходили до войны.

Второй всесоюзный съезд советских писателей вдохнул нас на новые творческие дерзания, и мы прилагаем все свои силы, чтобы помочь нашему народу достичь сияющих вершин коммунизма. (Аплодисменты).

Речь Н. ЗАРЬЯНА АРМЕНИЯ

Наш съезд происходит в те дни, когда заправили атомного империализма беспрепятственно союжаются о том, как восстановить разрушительную мощь разбитого врага паролем, как вооружить атомной бомбой гитлеровских генералов.

Прежде, чем говорить о литературе, я не могу с этой трибуны не выразить своего возмущения по поводу наглого саморазоблачения английского премьер-министра Черчилля, который в своей речи 23 ноября признал, что еще до окончания второй мировой войны он направил фельдмаршалу Монтгомери телеграмму с призывом сотрудничать с гитлеровской армией против советских войск. Я не могу не выразить чувства отвращения против чудовищного вероломства этих людей и не сказать наше гордое писательское спасибо маршалам Советского Союза тов. Василевскому и тов. Жукову за их спокойный, миролюбивый, полный чувства небоевой силы нашей Родины ответ поджигателям войны. (Аплодисменты).

На этом съезде мы с особенной глубиной испытываем чувство национального единства советской литературы. Наши доклады уже выступают от имени всей советской литературы, охватывают в той или иной мере всю многонациональную советскую литературу. Конечно, мы можем и не согласиться с той или другой оценкой, даваемой докладчиками. Конечно, ни не всегда удается уловить самое существенное в той или другой литературе наших народов, но эти отдельные недостатки не могут затмить величайшего значения того, что мы научились говорить о всей советской литературе с конкретным знанием ее основных процессов и с гордым чувством единой семьи.

Я не могу по этому поводу не говорить о роли великой русской литературы в на-

шем взаимном сближении, о родном великом русском языке. Мы создаем литературу на десятках языков, но все лучшее, что мы создаем на разных языках нашей Родины, становится общим достоянием именно благодаря переводу на русский язык. Именно впервые на русском языке я познакомился с поэтами и писателями разных поколений братских народов нашей Родины, с такими поэтами и писателями, как Янка Купала и Максим Танк, Павло Тычина и Опес Гючар, Мухтар Ауэзов и Габден Мустафин, Самед Вурган и Мелхи Гусейнов, Георгий Леонидов и Исидор Нонешвили, Берды Керббаев и Мирзо Турсунзаде, Вилис Лацис и Саломея Нерис. Мы не могли бы постигнуть все богатства культурных ценностей братских народов, если бы в этом не помог нам великий русский язык.

Как армянский поэт, я не могу с этой высокой трибуны не говорить о той братской помощи, которую оказывали армянская литература наши русские товарищи. Они — своими статьями, выступлениями, советами, другие — своими художественными переводами помогли нам быстро ориентироваться в поисках верных путей развития нашей литературы, исправить допущенные ошибки, выйти на широкую дорогу. Они нам помогли бороться с проявлениями национальной ограниченности, бездельности и уполночиства в нашей литературе, помогли избавиться от чрезмерного увлечения исторической тематикой и направить внимание советских армянских писателей в сторону овладения современной и историко-революционной тематикой.

(Окончание на 4-й стр.)

ВЫСТУПЛЕНИЯ УЧАСТНИКОВ СЪЕЗДА

Речь Н. ЗАРЬЯНА

АРМЕНИЯ

(Окончание. Начало на 3-й стр.)

На Первом всесоюзном съезде советских писателей наш друг и учитель Максим Горький дал нам священный завет выращивать и воспитывать молодые кадры нашей литературы. Разрешите мне представить вам тех молодых армянских писателей, которые еще не были известны в период Первого съезда. И не буду называть их всех, ибо их много. Я хочу назвать популярного в Армении поэта Ованеса Шираза, стихи которого наизусть знает молодежь Армении. Далеко за пределами Армении известны имена С. Капутикян и Г. Эмина, которые воспевают великую дружбу наших народов, их трудовые подвиги и их борьбу за мир. Я бы хотел, чтобы в достойных переводах были опубликованы на русском языке такие замечательные молодые лирики, как М. Маргарян, В. Давтян, Р. Ованесян, А. Сагян, С. Арутюнян, Г. Борян, П. Севак.

Речь С. МИХАЛКОВА

МОСКВА

Наша драматургия для детей заняла прочное место в общей советской драматургии. Однако мы должны сегодня признать, что в настоящее время являемся свидетелями очевидного отставания детской драматургии, и на это есть свои причины. Урожай хлеба, как известно, не в малой степени зависит от почвы, на которой они засеяны. Урожай детской драматургии зависит от той почвы, которую занимают в городах наши театры для детей. Если советские ребята до войны имели 70 своих театров, то сейчас они имеют только 30.

И беру на себя смелость предложить нашему съезду советских писателей просить Министерство культуры СССР до разрешения вопроса об открытии новых театров для детей обязать областные драматические театры регулярно ставить для детей не менее двух-трех спектаклей в год, а существующим театрам для детей создавать такие условия для работы, чтобы они в погоне за выполнением финансового плана не должны были ставить спектакли для взрослых в ущерб спектаклям для детей.

В связи с докладом А. Корнейчука мне хочется сказать несколько слов о сатире. Эта тема меня чрезвычайно волнует, и я думаю, что в этом зале вы один.

На XIX съезде партии товарищ Маленков сказал, что «нам нужны советские Гоголи и Шедрины...».

После съезда партии советскими писателями было написано несколько комедий и обзоров, которые были хорошо приняты советским зрителем и критикой. Приведу здесь только несколько названий: «Годы домаются конья» И. Погодина, «Не называй фамилий» В. Минко, «Большие хлопоты» И. Денча, «Иванчине, пожалуйста!» А. Макаренка, «Смеяться, право, не грешно» В. Полякова, «Де эта злиня, где этот дом...» В. Дыховичного и М. Слободского.

Но вслед за этими комедиями и обзорами появились несколько мрачных конъюнктурных пьес, претендующих называться сатирическими, а на деле оказавшихся клеветой на нашу действительность. Эти справедливо раскритикованные псевдосатирические пьесы нанесли огромный вред делу развития советской сатиры. К жанру сатиры критика стала относиться опять с недоверием. Одним словом, произошло некоторое замешательство, которое продолжается и по сей день.

В чем же оно проявляется?

Все вокруг продолжает утверждать, что нам нужны и Гоголи и Шедрины. Это говорят даже те осторожные товарищи, которым появление Гоголей и Шедриных, откровенно говоря, пришлось бы только хлопоты и неприятности. На словах критика сейчас за сатиру. А на практике она не только не помогает росткам нового в этом жанре, а просто сбивает с толку тех, кто отважился попробовать свои силы в комедии, и тех, кто собирался работать в этом жанре.

Почему-то вдруг начинается неожиданная ревнивая того, о чем наш зритель успел уже составить свое определенное положительное мнение. Мне, например, совершенно не понятен удивительный поворот в судьбе комедии «Не называй фамилий» украинского драматурга В. Минко. Эту комедию просмотрело несколько миллионов зрителей. Печать в течение двух лет отмечала эту комедию как положительное явление в нашей комедии, даже не замечая подчас ее немалых художественных слабостей и недостатков. И вдруг теперь, спустя два года, начали раздаваться голоса, что, дескать, это чуть ли не порочная комедия. Такое мнение начинает проникать в театры, в доклады на совещаниях. И театры, во избежание лишних разговоров, начинают пускаться в ход «торгмоза», все реже и реже ставя эту, все еще имеющую успех у зрителя, комедию.

Кстати, многие театры отыскивают современные комедии и потому подчас решают постановку комедийных спектаклей пьесой и примитивно, играя вместо комедии

сателет, которых мы воспитывали в последние годы. Но тем не менее не могу умолчать о существенных недостатках армянской литературы. Эти недостатки выражаются, главным образом, в том, что армянская литература в последние годы слабо отражает жизнь своей республики, жизнь наших славных современников. Сильно отстает у нас и историко-революционная тематика.

Генеральный русский критик В. Белинский каждое значительное произведение искусства рассматривал, как продукт исторической преемственности культурного развития, как явление, которое имеет корни в прошлом и дает плоды в будущем. Многонациональное единство советского общества создало свои специфические традиции, которые имеют решающее значение для развития нашей культуры. С этим связаны и традиции многонациональной советской литературы. Мы не можем расти и стать мастерами художественного слова, если, наряду с традициями русской и мировой классики, наряду с классическим наследием великого пролетарского писателя Максима Горького, не будем изучать произведения В. Маяковского, А. Серафимовича, М. Шолохова, А. Толстого, А. Фадеева, Н. Островского, М. Исакковского, Б. Полевого, А. Твардовского, М. Бажана и других мастеров советской литературы.

С этой высокой трибуны нашего съезда мы заверяем нашу родную Коммунистическую партию, наш родной советский народ, что мы всегда будем жить жизнью народа, его интересами и чаяниями, будем активными участниками создания коммунистического общества, будем близко знать наших современников — реальных героев, строителей коммунизма, глубоко сознавая, что это есть наш единственно правильный путь к великой цели — к созданию полноценных художественных произведений, путь к сердцу нашего великого читателя. (Аплодисменты).

Речь А. РАПОХИНА

ЦК ВЛКСМ

Товарищи! Позвольте мне, по поручению ЦК ВЛКСМ, от имени Ленинского комсомола, нашей славной молодежи приветствовать делегатов и участников Второго всесоюзного съезда советских писателей. (Аплодисменты).

Наш народ, партия и правительство предоставили советским писателям все для успешного творчества. Отвечая на эту заботу, славный отряд наших писателей создал немало высокоталантливых художественных произведений, заслуживших огромную любовь молодежи. В золотой фонд советской литературы вошли произведения Горького, Маяковского, Шолохова, Фадеева, Островского, Корнейчука, Вургуна, Маршала, Михалкова и многих, многих других. Не будет преувеличением сказать, что поколения советской молодежи испытали на себе могучее и благородное воспитательное воздействие лучших произведений наших писателей.

Отдавая должное заслугам советской литературы, мы не можем пройти мимо того, что еще мало создается книг, в которых бы образы советской молодежи были запечатлены с большой силой, глубиной и яркостью, книг, достойных героического труда и борьбы советского народа, нашей прекрасной молодежи. К сожалению, еще немало выходит в свет посредственных, серых книг, в которых недостаточно отражается многогранная и кипучая жизнь молодежи, искажается советская действительность. Так, в новой повести Ильи Эренбурга «Оттепель» большинство героев — изломанные люди. В повести мы встречаемся с людьми травмированными, душевно не устроенными, карьеристами, подхалимами. В целом — это плохая повесть. Приходится сожалеть, что подобное произведение вышло из-под пера большого художника, каким знают наши читатели Эренбург.

Есть и другие неудачные произведения. Молодежь высказывает свою неудовлетворенность повестью В. Некрасова «В родном городе», опубликованной недавно в журнале «Новый мир».

Неудачные произведения появляются потому, что некоторые литераторы плохо знают жизнь советских людей, молодежи, не затрудились себя всесторонним и глубоким изучением действительности.

Мы имеем немало фактов, когда только что вступающие в литературу люди, вынувшие свою первую, порой несовершенно книгу, бросают производственную, общественную деятельность, занимаются, перестают изучать жизнь. Мы не должны оставаться равнодушными к таким фактам, когда некоторые молодые литераторы мнят себя сложившимися художниками, не хотят серьезно над собой работать, оседают соками писателей, различные издательства, редакции газет и журналов, предлагая и издавая бесцветные, никому не нужные произведения.

У нас есть также писатели, которые оторвались от народа, ведут себя недостойно. В этой связи надо отметить, что Союз писателей поступил совершенно правильно, хотя и с большим опозданием, решительно выступил против подобных явлений в среде литераторов.

Товарищи, Коммунистическая партия всегда призвала и призывает огромное значение воспитанию сознательных молодых строителей коммунизма. Партия всегда считала и считает, что в этом смысле литература принадлежит одно из главных мест. Да это и понятно, ибо хорошая книга будит у молодых людей светлые мысли и чувства, волнует их, зовет на труд и на подвиги, учит мужеству и стойкости в преодолении трудностей. Вот почему мы хотим, чтобы советские писатели создавали такие произведения, которые бы с большой художественной силой отражали лучшие качества советских людей, по силе своего воздействия были бы равны лучшим классическим произведениям и удовлетворяли бы многогранные интересы молодого читателя.

Нам нужно больше книг, которые поднимали бы молодежь на подвиги, на героизм во имя построения коммунизма, воспитывали молодое поколение в духе постоянной готовности защищать нашу любимую советскую Родину.

Среди больших делений советской молодежи, совершенных по призыву партии во имя счастья народа, — поход молодежи за освоение целинных земель. Сколько благодарного и героического совершает там наша славная молодежь! Например, для выноса созданного совхоза «Стенка» в Акмолинской области надо было со станции переправить технику через реку Ишим. Во время переправы лед провалился, и трактор пошел ко дну. Комсомолец Дрозд опустился в ледяную воду на два река и привязал трос к затонувшему трактору. Трактор был вытасян на берег. Это только один эпизод. А таких примеров героизма сотни, тысячи. Они достойны того, чтобы о них знала вся наша страна, вся молодежь.

Пожалуй, пора бы столичным украинским газетам сказать о спектакле то, что они думают. Но, видно, трудно им обнародовать свое критическое суждение по поводу этого события в театральной жизни Украины, потому что они еще не знают чужой, надежной точки зрения на этот спектакль.

Смелее, товарищи критики и товарищи редакторы! Никто не осудит вас за то, что вы первыми напишете о новом произведении. Только не делайте вид, что ваше суждение является окончательной оценкой произведения. Оставьте это право за нашим многомиллионным читателем и зрителем, которые могут высказывать свою собственную точку зрения на произведения, написанные для них.

В смелой, беспощадной и в то же время спокойной критике наших недостатков выражается непоколебимая вера в силу нашего строя, в правоту нашего дела. Вот почему работа советских сатириков является глубоко патристической, нужной народу.

Нельзя забывать, что сатира не может развиваться под всеобщими аплодисментами, потому что она не есть резолюция, принимаемая на общем собрании. (Аплодисменты).

Сатира обязательно кого-то задает и кому-то не нравится. И иной раз задает, задает и не нравится хорошим людям, в которых положительное начало сильнее тех человеческих слабостей, которыми они, эти честные, хорошие люди, сами страдают. И одним из человеческих недостатков у этих хороших людей является отсутствие чувства юмора, без которого трудно жить вообще, а тем более судить о комедийном жанре.

Два слова о смелости, о смелости нашей критики. В украинском театре имени Франко идет новая пьеса Корнейчука «Крылья». Об этой пьесе имеются разные суж-

дения. Пожалуй, пора бы столичным украинским газетам сказать о спектакле то, что они думают. Но, видно, трудно им обнародовать свое критическое суждение по поводу этого события в театральной жизни Украины, потому что они еще не знают чужой, надежной точки зрения на этот спектакль.

Смелее, товарищи критики и товарищи редакторы! Никто не осудит вас за то, что вы первыми напишете о новом произведении. Только не делайте вид, что ваше суждение является окончательной оценкой произведения. Оставьте это право за нашим многомиллионным читателем и зрителем, которые могут высказывать свою собственную точку зрения на произведения, написанные для них.

В смелой, беспощадной и в то же время спокойной критике наших недостатков выражается непоколебимая вера в силу нашего строя, в правоту нашего дела. Вот почему работа советских сатириков является глубоко патристической, нужной народу.

Нельзя забывать, что сатира не может развиваться под всеобщими аплодисментами, потому что она не есть резолюция, принимаемая на общем собрании. (Аплодисменты).

Глаза всего мира смотрят валь, туда, где Москва.

Потому что там, над Москвой, разорается новая, красная зarya.

В древней Греции родилось изречение «Творят только боги и поэты». — Там поэтов считали равными богам. Но в социалистическом обществе, где физический труд одухотворен поэзией творчества, а писатели прониклись идеологией рабочего класса, вы доказали, что «творят только трудящиеся и поэты». (Аплодисменты).

По индийскому обычаю мы должны бы, в ответ на ваше гостеприимство, привезти вам дары из нашей страны. Мы и привезли вам в дар самое дорогое, что у нас есть... наши книги, нашу литературу.

Литература древняя, как законы Апоки, высеченные на камне, и молоду, как повесть Кришана Чандара, в которой говорится не о судьбе мужичины или женщины, а об удивительной судьбе самой поэзии, в чудах ее образцов показано все развитие индийской литературы. Кришан Чандар рассказывает, как он пытался воплотить свою повесть в образах

дорогие друзья! Я, конечно, буду говорить по-русски. (Аплодисменты).

Вас, может быть, интересует, чего за последние дни читатели ждут от советской литературы? С жадным любопытством и любовью они ищут в ней картинку того, что создается в этой необычайной, сказочной стране.

Каждый писатель знает по себе, насколько точен ответ Флабера на вопрос, с кого он писал мадам Бовари: «Мадам Бовари — это я». Для того, чтобы создать нового человека, в самом писателе обязательно должны быть какие-то зародыши нового человека. Искусство, один из способов познания мира, помогает появлению этих зародышей, и в частности, помогает их появлению литература. А литература имеет воспитательное влияние также и на писателей, которые ведь не только пишут, но и читают, и притом с особенно обостренной восприимчивостью.

Если считать гениальность превосходной степенью таланта, то, идя вперед талантливых произведений, гениальное произведение всегда превосходит, опережает свою эпоху, так как оно есть творчество, то есть открытие, появление еще не бывшего. В самом корне слова — гений лежит понятие: рождение, которому можно противопоставить повторение того, что уже было. Гениальное произведение всегда удивляет, открывает — в прошлом, настоящем и будущем — те перемены, еще невидимые для современников, которые ведут от одной эпохи к другой. Нового героя, нового человека не обязательно искать в будущем. Он был и в прошлом, он есть в настоящем, и гениальный роман во всякое время является романом историческим, изображает ли он прошлое, настоящее или будущее, ибо творец его, забега вперед, уже видит изображаемое с птичьего полета истории. Таковы произведения Данте, Сервантеса, Гоголя, Вальска, Стендаля, Гюго, Льва Толстого, Горького, Маяковского... Они осознали, открыли, изобразили то, чего их современники еще не видели, не знали или на что им не хватало дара воображения. В этих писателях уже были зарожены зерна будущего.

Гениальный творец, опережающий эпоху, ломается вперед, опрокидывая каменную стену привычек, рутин, моды, существующего вкуса. Он выходит из норм, и поэтому люди косяные его иной раз принимают за безумца. На самом же деле безумцы те, кто отрицает, что «она все-таки вертится».

И веду все это к тому, что рождение нового человека в литературе зависит от рождения нового человека в самом писателе. Люди, верящие в прогресс, верят в то, что человек будет все более и более человечным, и никак нельзя себе представить, что будущее заложено, например, в отбросах общества... И когда на Западе увлекаются писателями-убийцами, ворами, исповедаями падших людей, то мы не верим в возмож-

сти, остроумного, поэта, грудулолюбивого пса, во... шелковое платье принцессы обратилось в лохмотья, шута подвергли публичной казни за ернические речи, а писца посадили в тюрьму за участие в забастовке.

И тогда автор спрашивает свою повесть, кем бы она сама хотела стать, и повесть отвечает: «Сделай меня серпом, которым крестьянин жнет хлеб, сделай меня молотом, которым куют мечи восставшие крестьяне, сделай меня пудель и пошай во Вьетнам сражаться за свободу, сделай меня красной звездой, что светит над крышами Москвы». (Аплодисменты).

На эту творческую эволюцию индийской литературы, изображенную в аллегориях Кришана Чандара, нам, прогрессивным писателям, потребовалось столетие.

Мы освободились от иллюзий «искусства для искусства» в процессе борьбы нашего народа против империализма, в которой активно участвовали и писатели-патриоты — сотни их подвергались арестам, извлекли подпольские расправы и пытки, грудуло подвергали пудли империализмов.

Но только идеи марксизма-ленинизма и Великая Октябрьская революция указали нашей литературе ясный путь — путь социалистического реализма и революционной романтики. С тех пор мы неуклонно идем по этому пути.

Конечно, нам не всегда удается полностью воплотить высокие принципы социалистического реализма.

Но при всех наших ошибках мы никогда не шли на сделку с врагом, а врагом нашим были не только иностранный империализм и его идеология, но также отечественная реакция, мракобесие и фашизм.

Учась на собственном опыте, с помощью критики и самокритики мы добиваемся той единства формы и содержания, революционного накала и лиризма, благодаря которому прогрессивные писатели Индии создали как в стихах, так и в прозе немало прекрасных образов революционной романтики.

Мы — певцы и сказители своего народа, мы растем и работаем, пропнякнутые сознанием неповторимого своеобразия нашей культуры и гордостью за наши литературные, но не пытаемся отделить себя от общего потока человечества.

Наших писателей всегда вдохновлял дух интернационализма, и они откликаются своими книгами на голоса свободных народов всего мира.

Героический эпос Сталинграда, победа народных сил в Китае под руководством Мао Цзэ-дуна, доблестная борьба народов Кореи и Вьетнама — все это нашло свое отражение в наших рассказах и стихах наряду с нашими национальными темами.

И вместе с вами, наши уважаемые советские собратья, и с вами, наши любимые китайские соседи, и с вами, писатели всех стран, борющиеся за мир и прогресс, мы заявляем, что наша общая цель — противопоставить непоколебимую силу наших книг льюльским замыслам поджигателей войны, врагов мира и человечества. (Продолжительные аплодисменты).

Речь Эльзы ТРИОЛЕ

ФРАНЦИЯ

Дорогие друзья! Я, конечно, буду говорить по-русски. (Аплодисменты).

Вас, может быть, интересует, чего за последние дни читатели ждут от советской литературы? С жадным любопытством и любовью они ищут в ней картинку того, что создается в этой необычайной, сказочной стране.

Каждый писатель знает по себе, насколько точен ответ Флабера на вопрос, с кого он писал мадам Бовари: «Мадам Бовари — это я». Для того, чтобы создать нового человека, в самом писателе обязательно должны быть какие-то зародыши нового человека. Искусство, один из способов познания мира, помогает появлению этих зародышей, и в частности, помогает их появлению литература. А литература имеет воспитательное влияние также и на писателей, которые ведь не только пишут, но и читают, и притом с особенно обостренной восприимчивостью.

Если считать гениальность превосходной степенью таланта, то, идя вперед талантливых произведений, гениальное произведение всегда превосходит, опережает свою эпоху, так как оно есть творчество, то есть открытие, появление еще не бывшего. В самом корне слова — гений лежит понятие: рождение, которому можно противопоставить повторение того, что уже было. Гениальное произведение всегда удивляет, открывает — в прошлом, настоящем и будущем — те перемены, еще невидимые для современников, которые ведут от одной эпохи к другой. Нового героя, нового человека не обязательно искать в будущем. Он был и в прошлом, он есть в настоящем, и гениальный роман во всякое время является романом историческим, изображает ли он прошлое, настоящее или будущее, ибо творец его, забега вперед, уже видит изображаемое с птичьего полета истории. Таковы произведения Данте, Сервантеса, Гоголя, Вальска, Стендаля, Гюго, Льва Толстого, Горького, Маяковского... Они осознали, открыли, изобразили то, чего их современники еще не видели, не знали или на что им не хватало дара воображения. В этих писателях уже были зарожены зерна будущего.

Гениальный творец, опережающий эпоху, ломается вперед, опрокидывая каменную стену привычек, рутин, моды, существующего вкуса. Он выходит из норм, и поэтому люди косяные его иной раз принимают за безумца. На самом же деле безумцы те, кто отрицает, что «она все-таки вертится».

Речь Али Сардара ДЖАФРИ

ИНДИЯ

Товарищи! Я приветствую Вторую съезд советских писателей от имени братской делегации Индии. (Аплодисменты).

Честь и счастье присутствовать на этом съезде выпали только трем из нас — Ходжа Ахмаду Аббасу, Балванту Гари и мне.

Но мысленно здесь присутствуют вместе с нами все прогрессивные писатели Индии, пишущие на 17 языках, — как признанные мастера литературы, так и молодые, начинающие авторы: такие известные поэты, как Даш Малихаби, Нирала и Валлахот, такие видные прозаики, как Кришан Чандар, Муаж Радж Ананд и Маник Банерджи, такие критики, как Атилам Хусейн и Рам Билас Шарма, такие драматурги, как Сахинсен Гупта, Тузен Лакхри и Мона Вереркар. (Аплодисменты).

Вместе с нами в этом зале присутствует и негисбемый поэт Фаиз Ахмад Фазл, чьи прекрасные стихи летят к нам из-за стен пакистанской тюрьмы, где он томится уже четыре года, хотя все его преступление состоит в том, что он любит свой народ и не хочет, чтобы американские поджигатели войны использовали этот народ, как пушечное мясо. (Аплодисменты).

Вместе с нами в этом зале и большое сердце Салжаха Захира, одного из основателей Ассоциации прогрессивных писателей Индии, ее первого генерального секретаря, который сейчас тоже томится за тюремной решеткой в Пакистане.

С любовью и надеждою устремляют свой взгляд на Москву наши пролетарские поэты — Аняхоах Сатхе и Амар Шейх, сыновья рабочих и сами рабочие, в чьих песнях бьется сердце рабочего класса Индии, в чьих рассказах мы видим простых людей Индии, их труд и борьбу за новую жизнь, за демократию и мир.

Приветствие историческому Второму съезду советских писателей от всех наших прогрессивных писателей, от всего индийского народа выражено в прекрасных стихах одного из поэтов старшего поколения — Фирака:

Глаза всего мира смотрят валь, туда, где Москва.

Потому что там, над Москвой, разорается новая, красная зarya.

В древней Греции родилось изречение «Творят только боги и поэты». — Там поэтов считали равными богам. Но в социалистическом обществе, где физический труд одухотворен поэзией творчества, а писатели прониклись идеологией рабочего класса, вы доказали, что «творят только трудящиеся и поэты». (Аплодисменты).

По индийскому обычаю мы должны бы, в ответ на ваше гостеприимство, привезти вам дары из нашей страны. Мы и привезли вам в дар самое дорогое, что у нас есть... наши книги, нашу литературу.

Литература древняя, как законы Апоки, высеченные на камне, и молоду, как повесть Кришана Чандара, в которой говорится не о судьбе мужичины или женщины, а об удивительной судьбе самой поэзии, в чудах ее образцов показано все развитие индийской литературы. Кришан Чандар рассказывает, как он пытался воплотить свою повесть в образах

дорогие друзья! Я, конечно, буду говорить по-русски. (Аплодисменты).

Вас, может быть, интересует, чего за последние дни читатели ждут от советской литературы? С жадным любопытством и любовью они ищут в ней картинку того, что создается в этой необычайной, сказочной стране.

Каждый писатель знает по себе, насколько точен ответ Флабера на вопрос, с кого он писал мадам Бовари: «Мадам Бовари — это я». Для того, чтобы создать нового человека, в самом писателе обязательно должны быть какие-то зародыши нового человека. Искусство, один из способов познания мира, помогает появлению этих зародышей, и в частности, помогает их появлению литература. А литература имеет воспитательное влияние также и на писателей, которые ведь не только пишут, но и читают, и притом с особенно обостренной восприимчивостью.

Если считать гениальность превосходной степенью таланта, то, идя вперед талантливых произведений, гениальное произведение всегда превосходит, опережает свою эпоху, так как оно есть творчество, то есть открытие, появление еще не бывшего. В самом корне слова — гений лежит понятие: рождение, которому можно противопоставить повторение того, что уже было. Гениальное произведение всегда удивляет, открывает — в прошлом, настоящем и будущем — те перемены, еще невидимые для современников, которые ведут от одной эпохи к другой. Нового героя, нового человека не обязательно искать в будущем. Он был и в прошлом, он есть в настоящем, и гениальный роман во всякое время является романом историческим, изображает ли он прошлое, настоящее или будущее, ибо творец его, забега вперед, уже видит изображаемое с птичьего полета истории. Таковы произведения Данте, Сервантеса, Гоголя, Вальска, Стендаля, Гюго, Льва Толстого, Горького, Маяковского... Они осознали, открыли, изобразили то, чего их современники еще не видели, не знали или на что им не хватало дара воображения. В этих писателях уже были зарожены зерна будущего.

Гениальный творец, опережающий эпоху, ломается вперед, опрокидывая каменную стену привычек, рутин, моды, существующего вкуса. Он выходит из норм, и поэтому люди косяные его иной раз принимают за безумца. На самом же деле безумцы те, кто отрицает, что «она все-таки вертится».

сти, остроумного, поэта, грудулолюбивого пса, во... шелковое платье принцессы обратилось в лохмотья, шута подвергли публичной казни за ернические речи, а писца посадили в тюрьму за участие в забастовке.

И тогда автор спрашивает свою повесть, кем бы она сама хотела стать, и повесть отвечает: «Сделай меня серпом, которым крестьянин жнет хлеб, сделай меня молотом, которым куют мечи восставшие крестьяне, сделай меня пудель и пошай во Вьетнам сражаться за свободу, сделай меня красной звездой, что светит над крышами Москвы». (Аплодисменты).

На эту творческую эволюцию индийской литературы, изображенную в аллегориях Кришана Чандара, нам, прогрессивным писателям, потребовалось столетие.

Мы освободились от иллюзий «искусства для искусства» в процессе борьбы нашего народа против империализма, в которой активно участвовали и писатели-патриоты — сотни их подвергались арестам, извлекли подпольские расправы и пытки, грудуло подвергали пудли империализмов.

Но только идеи марксизма-ленинизма и Великая Октябрьская революция указали нашей литературе ясный путь — путь социалистического реализма и революционной романтики. С тех пор мы неуклонно идем по этому пути.

Конечно, нам не всегда удается полностью воплотить высокие принципы социалистического реализма.

Но при всех наших ошибках мы никогда не шли на сделку с врагом, а врагом нашим были не только иностранный империализм и его идеология, но также отечественная реакция, мракобесие и фашизм.

Учась на собственном опыте, с помощью критики и самокритики мы добиваемся той единства формы и содержания, революционного накала и лиризма, благодаря которому прогрессивные писатели Индии создали как в стихах, так и в прозе немало прекрасных образов революционной романтики.

Мы — певцы и сказители своего народа, мы растем и работаем, пропнякнутые сознанием неповторимого своеобразия нашей культуры и гордостью за наши литературные, но не пытаемся отделить себя от общего потока человечества.

Наших писателей всегда вдохновлял дух интернационализма, и они откликаются своими книгами на голоса свободных народов всего мира.

Героический эпос Сталинграда, победа народных сил в Китае под руководством Мао Цзэ-дуна, доблестная борьба народов Кореи и Вьетнама — все это нашло свое отражение в наших рассказах и стихах наряду с нашими национальными темами.

И вместе с вами, наши уважаемые советские собратья, и с вами, наши любимые китайские соседи, и с вами, писатели всех стран, борющиеся за мир и прогресс, мы заявляем, что наша общая цель — противопоставить непоколебимую силу наших книг льюльским замыслам поджигателей войны, врагов мира и человечества. (Продолжительные аплодисменты).

Речь Эльзы ТРИОЛЕ

ФРАНЦИЯ

Дорогие друзья! Я, конечно, буду говорить по-русски. (Аплодисменты).

Вас, может быть, интересует, чего за последние дни читатели ждут от советской литературы? С жадным любопытством и любовью они ищут в ней картинку того, что создается в этой необычайной, сказочной стране.

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКИ

I. На боевом участке идеологического фронта

Советская литературная критика поставлена на огромную высоту. Она призвана играть действительную роль в развитии советской литературы, влиять на ее формирование, на развитие творчества писателей. В ней прислушиваются, за ней следят и писатели зарубежных стран. Наши сильные стороны помогают развиваться международной прогрессивной литературе, а наши ошибки сказываются и на работе наших друзей за рубежом.

Критика — один из важнейших участков идеологической работы, дела воспитания трудящихся. Вспомним, что революционная критика в России формировала мировоззрение ряда поколений, осуществляла политическое и эстетическое руководство передовой литературой. Мы, разумеется, учимся, как Белинский и Чернышевский действовали в особых исторических условиях, когда журналам и прежде всего их критическим отделам приходилось быть главными центрами идейного воспитания в революционно-демократическом духе. В нашей стране литературная критика призвана быть активной помощницей партии и государства в идейном воспитании и писательских кадров и читателей, она должна быть выразительницей требований общественного мнения, кровно заинтересованного в идейных и художественных достижениях советской литературы.

Идеологическая работа в нашей стране разветвляется все шире. Коммунистическая партия ставит перед теоретическим фронтом задачу творческой разработки коренных научных проблем, связанных с развитием нашего общества. Идейная борьба требовала и требует ясности принципиальных позиций, глубины понимания создавшегося положения, принципиальности, умения видеть новое, поддержать его и противопоставить старому. Коммунистическая партия возлагала развитие смелой творческой научной мысли, возглавила развитие критики в науке.

Труд советского литературоведа, критика меньше всего похож на тихую, спокойную, «бесконфликтную» деятельность, далекую от треволнений и борьбы. Нет, это деятельность боевая, напряженная, требующая, чтоб научная основательность сочеталась с принципиальностью, смелостью, последовательностью в развитии и отстаивании передовых партийных взглядов. В идейных схватках и боях прошедшего двадцатилетия и литературная наука и критика выросли и возмужали.

Советская литература и литература стран лагеря социализма и демократии — это олот правды и человечности в мировой литературе. Неся всему свету идеи гуманизма, мира, демократии, она противопоставит растленному реакционному искусству, противостоит литературе, проповедующей звериный индивидуализм, эгоизм, субъективизм.

Современная буржуазная эстетика — это большей частью эстетика людей, которые стращаются объективной реальностью, отворачиваются от жизни и делают при этом вид, что действительность не очень достойна их внимания.

В реакционной литературе находят выражение распад общественных связей, характерный для буржуазного общества, чувство растерянности перед лицом завтрашнего дня. Романы и пьесы, проникнутые пессимизмом, антиобщественными настроениями.

II. Об идейных позициях литературоведения и критики

Наше литературоведение росло с ростом передовой научной, марксистской мысли и нашей литературы. Оно окрепло в борьбе против либеральной теории единого потока и вульгарного социализма, против космополитических взглядов, против субъективизма, националистических извращений и т. д. Мы могли бы отметить десятки серьезных творческих научных работ в области истории литературы. Но главное не в количестве: дело в том, что серьезно возрос научный уровень советского литературоведения. Сложился передовая, творческая марксистская наука, доказавшая свою способность углубленно исследовать литературный процесс в его развитии, его отдельные периоды и моменты, творчество отдельных писателей.

Нашими учеными во многом не только преодолены ложные концепции буржуазных исследователей, но и дано новое, марксистское решение сложных и трудных вопросов. Трудными советские литературоведы в полном объеме раскрыты величие, сила, самобытность таких гениальных писателей, как Пушкин, Гоголь, Белинский, Толстой, Чехов, показана вся глубина их связей с родной страной, с народом.

Наша литературная наука преодолела влияние формализма, с характерным для него отрывом искусства от жизни, забвением идейной, общественной роли художественного творчества и, в результате, узким, обденным, примитивным пониманием формы.

Советская общественность решительно раскритиковала идеологические, идеалистические космополитические взгляды. Главное содержание и смысл этой критики состоит не столько в том, чтоб указать на ошибки таких ученых, как Веселовский и его последователи, сколько в том, чтоб обратить внимание на решение позитивной задачи: со всей глубиной раскрыть корни, связывающие гениев литературы с породами их народом, со страной, воспитавшей их.

Бесспорно, что борьба с космополитизмом содействовала научному росту советского литературоведения. Правда, и здесь не обошлось без оплошности: нашлись критики, которые каждое слово о влиянии того или иного писателя Запада на русское писателя объявляли крахотой и навлекали ярлык космополитизма. Мы отвергаем понятие вульгаризаторов оторвавших историю русской литературы от литературы мировой — такие попытки антинаучны, чужды нашему мировоззрению.

Печатается по сокращенной стенограмме.

Содоклад Б. С. РЮРИКОВА

стигах писателей такие понятия, как народность, демократизм, реализм. Вульгарный социологизм не отошел в безвозвратное прошлое, но он не тот, каким он был в тридцатые годы. Это — явление, довольно распространенное, часто замаскированное, но, как и раньше, приносит огромный вред развитию нашей художественной культуры.

Одним из ярких примеров вульгаризаторской критики является изданная недавно в Харькове книга М. Гуцина о Чехове. Сатирические рассказы и миниатюры раннего Чехова для М. Гуцина — это своеобразные «окна Роста». Ранние чеховские рассказы не отличаются от прозаического зрелого Чехова, и все они не отличаются от произведений Штерина.

В рассказе «Темная ночь» автор находит безусловный аллегорический смысл. Рассказ начинается так: «Ни луны, ни звезд... Ни контуров, ни силуэтов, ни одной мало-мальски светлой точки... Все утонуло в сплошном, непроницаемом мраке». Потом говорится о странной грязи, о размытой дороге. И автор исследователя обнаруживает в рассказе «тему всеобщего «бездорожья», тему пути, по которому устремилась реакция в сплошной мрак».

С примитивной простотой истолковывается все творчество Чехова. Застрелает в грязи тарантас — это политическое бездорожье, темно — это мрак реакции и т. д. Великий писатель-реалист лишается и реализма, и поэзии, и юмора и превращается в зуряного создателя немудрящих аллегорий на политические темы.

Одним из достижений литературной науки является разработка наследия революционно-демократических критиков.

Книга Н. Мордовченко об эстетике и критике Белинского, труды о Добролюбову В. Кружкова и В. Жданова, работа Б. Бурсова «Вопросы реализма в эстетике революционных демократов» — все это серьезные научные работы. Вышел трехтомник замечательного советского научного издания «Литературное наследие», содержащий ценнейшие документы и материалы, посвященные Белинскому. Заключено первое научное собрание сочинений Чернышевского, издается полное собрание сочинений Белинского.

В истории русской критики на протяжении ряда десятилетий складывались и боролась две традиции. С одной стороны, это линия Белинского, Чернышевского, Добролюбова, развитая и продолженная марксистской критикой. Но есть и другая традиция критики. Это критика эстетская, субъективистская, антидемократическая и антиобщественная, стоящая на позициях «чистого искусства». Это Дружинин, это Аким Волынский, Айхенвальд, формалисты, «Серапионовы братья» и т. д. — критика, отрывающая искусство от жизни, от общественной борьбы, от передовых идей эпохи. К Воронскому, «Перевалу», формализму, эстетству тянутся нити от этой критики.

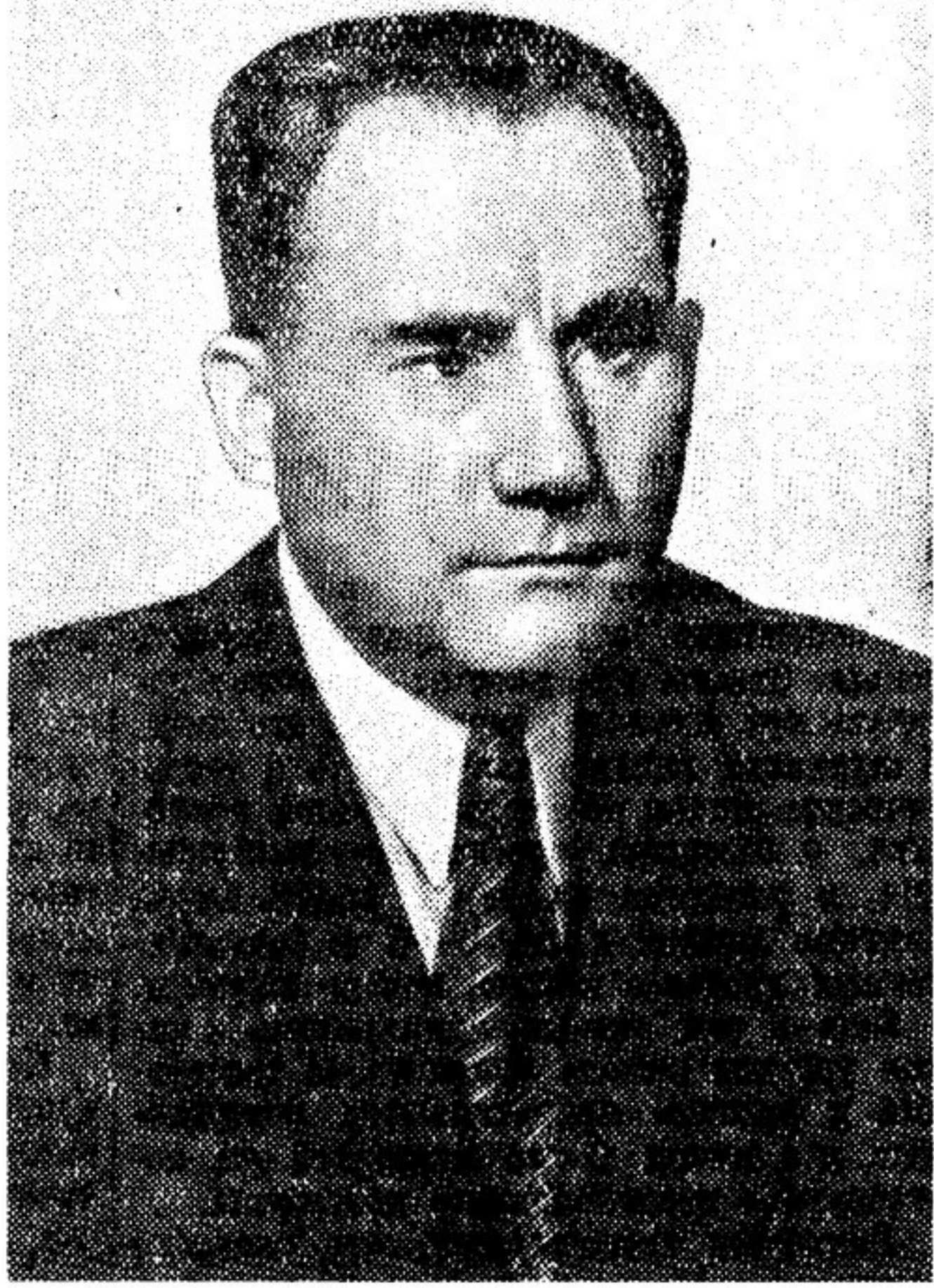
Наследие классиков русской критики — это наше идейное сокровище, наша национальная гордость. Советское литературоведение обязано изучать, развивать, обогащать эти славные традиции. Следует указать на такие достижения советского литературоведения, как издание книги о великом украинском представителе братских литератур. Вышли первый том «Истории украинской литературы» и «Очерк истории украинской советской литературы», вышла история литературы белорусской. В Москве и в союзных республиках изданы книги о классиках литератур народов СССР: монография Е. Бергеля о Низаме, Е. Мозолькова о Инке Кунале, В. Гольцова о Руставели, книги М. Шагинин о Шевченко, К. Григоряна о Туманяне, работы о Чавчавадзе, Хетагурове, Раинце и других писателях.

Сложной и напряженной была идейная борьба в литературоведении и критике народов СССР. Мы сталкивались с проявлениями национального шовинизма — некоторые критики отбрасывали сокровища искусства прошлого под предлогом, что это якобы чужие, феодальное искусство. Достаточно вспомнить, как был объявлен чуждым эпос бурят-монгольского народа Гэсэр.

Разумеется, мотивы эпоса несут на себе печать определенной эпохи и определенной исторической среды, и если критиковать эпос XI века с позиций социалистического реализма, — в нем можно найти много серьезных изъянов. Но только в XI веке, в период зарождения данного эпоса, а гораздо позднее, в эпоху крестьянских движений Раина и Пугачева, народным массам были присущи парадоксы илюзии; разве это мешает нам ценить дух борьбы, воодушевлявший эти движения? Эпосу Гэсэр присуща вера в народ, высокий оптимизм, художественная яркость и свершенность; кроме шовинизма, нужно, чтоб эти ценности были сняты с народа?

На изучение литератур братских народов оказала предельное влияние теория единого потока, служащая орудием реакционной буржуазной национализма. В Грузии, Азербайджане, Армении, прибалтийских и среднеазиатских республиках сделано много для разоблачения и преодоления ложных и вредных взглядов. Наше литературоведение нанесло сильный удар по пантюранистским, панславянским и другим националистическим извращениям. Следует сказать, что в Армении, Грузии и некоторых других республиках определенные элементы под предлогом борьбы с буржуазной теорией единого потока пытались затеять провокационную работу всей национальной культуры, всех богатств искусства и литературы. Под руководством партийных организаций эти националистические наск-ки были разоблачены.

Серьезным успехом следует признать и создание ряда интересных работ о писателях зарубежных стран. Мы — исследователи и критики сокращаем всемирную литературу. У нас издаются работы о великих

Б. С. РЮРИКОВ

литературы, как творчество Достоевского, Тютчева. Возможно упомянуть о том, что литературоведение и критика в большом долгу перед молодым поколением нашей страны. Недостатки и ошибки литературоведения переживали в школьные учебники и программы; они падают отражение в уроках учителей, в лекциях преподавателей педагогических институтов и училищ.

Было бы большой заслугой Союза писателей, если б он проявил инициативу, нашел свое место в деле серьезного улучшения преподавания литературы в школе. Развитие советского литературоведения и критики все чаще и чаще упирается в неразработанность важнейших эстетических проблем. И изучение вопросов эстетики и преподавание эстетических дисциплин по своему уровню не могут нас удовлетворить. Достаточно сказать, что у нас нет программ, нет учебника по эстетике, нет даже сборника статей по вопросам философии искусства. Научные учреждения — Институт философии Академии наук, Институт мировой литературы явля, нецелесообразно занимаются разработкой этих проблем.

Многие вопросы, жизненно важные для искусства, как вопрос о прекрасном, о сатире, о конфликте, о положительном, о комическом, не разработаны сколько-нибудь глубоко и основательно до сих пор. Не поставлен со всей теоретической глубиной вопрос о методе, стиле искусства. А ведь глубокая принципиальная постановка вопроса о многообразии художественных манер и богатстве способов изображения действительности помогла бы в борьбе против серых, примитивных произведений. Наше представление о социалистическом реализме не есть неизменное и неподвижное представление — оно меняется, развивается вместе с развитием литературы, искусства, эстетической теории, а главное — с развитием самой жизни.

Социалистический реализм в основу тематики положил жизнь народных масс, их труд, их борьбу за социализм. Но жизнь идет вперед, особенно стремительно в условиях перехода от социализма к коммунизму. Нынешнее развитие общества подготовило прошлым, а настоящее также закономерно подготовит будущее, в котором найдут развитие те черты нового, которые растут и крепнут сегодня. Вот почему нет и не было в истории человечества творческого метода, который был бы так обращен в будущее, помогал отчетливо видеть прекрасные дали, учил понимать, что путь к этим далям лежит через самую и трудную борьбу, — как метод социалистического реализма.

Нельзя бороться за яркое, подлинное искусство, не борясь с примитивным взглядом, до сих пор выражаемым и в теории и в практике искусств и являющимся к тому, что искусство лишь иллюстрирует общие положения. Искусство не просто овекает истину в одежде образов, оно по-своему ищет и выражает художественную истину, оно не иллюстрирует, а творит, открывает новое, помогает познать жизнь во всей ее сложности. Задача этого важнейшего положения влет в компетенцию функционирования искусства, его новаторскую функцию, примененную только искусству сфере воздействия на душу человека.

В исторических документах ЦК по идеологическим вопросам была разработана тенденция к бездельности, в эстетическом

отрыву от народа. Нашлись в нашей среде люди, которые думали, что, разгромив врага, одержав великую победу над фашизмом, мы можем забыть об идейных требованиях, ориентироваться на развлекательное искусство, «отдохнуть у тихой речки». Партия осудила эти демобилизационные настроения.

Эстетский нигилизм нашел свое выражение в выступлениях группы театральных критиков, космополитические тенденции которых осудила партийная печать. Эстетским нигилизмом был проникнут и ряд статей, опубликованных недавно в журнале «Новый мир». В этих статьях, принаживших роль мировоззрения в творчестве и извращавших само существо реализма, мы услышали отзвуки идей, пропагандированных в свое время журналом «Литературный критик».

Борьба с эстетскими, формалистическими взглядами в искусстве, наша общественность столь же последовательно выступала против всяческих упрощений и вульгаризаторов марксизма.

До сих пор еще у нас назойливая дидактика, навязчивое морализирование почти оправдывались... стремлением к партийности, заботой о повышении воспитательной роли литературы. Но принцип партийности обязывает выступать против всякой узости, схоластики, догматизма; он требует глубоко унпывать природу художественного творчества.

Указания партии зовут вперед, к жизненной правде, к высокому художественному совершенству, а заклинания вульгаризаторов тащат назад. Критика должна, зная за основу научные положения о типическом, разоблачать и преодолевать все построения вульгаризаторов. Нельзя забывать, что, давая определенное социалистическое реализма, как метода советской литературы и литературной критики, партия противопоставила эту формулировку насаждавшейся рапповцами абстрактной формуле диалектического материализма, как творческого метода. Рапповская формула увела от конкретных задач, от специфики искусства и при всей

своей видимой ортодоксальности была проникнута чуждым марксизмом пренебрежением к своеобразию искусства. Вульгаризаторское пренебрежение к искусству время от времени обнаруживает себя в некоторых примитивных книжках и брошюрах, то в журналах и газетных статьях, в которых произведение хвалится да тому, за актуальность, а художественное качество рассматривается как что-то мало существенное. Отзвук подобных тенденций прозвучал, например, в редакционной статье «Литературной газеты» о романе Ф. Панферова «Волга матушка-река».

Немало у нас упрощенцев, готовых восхвалять произведения ради актуальности темы, жизненности материала. Недавно вспоминается выступление одного оратора на нашем Первом съезде. Оратор, стоящий на трибуне, вдруг был прерван громом бурных рукоплесканий. Оратор был счастлив, он улыбался, раскланивался, но аллодиорвали не его красноречию — сзади него, сутулясь, проходил к своему месту в президиуме А. М. Горький.

Не так ли и мы подчас заслуги эпохи, заслуги нашего великого времени поспешно записываем на свой счет... Жизнь огромна и прекрасна, и чтобы воплотить ее в полноценных образах, нужны неустанные творческие усилия, напряженная работа, овладение классическим наследием. Привнося примитивный, поверхностный взгляд на жизнь и на искусство, снимая вопросы мастерства, художественного совершенствования, вульгарный социологизм наносит серьезный ущерб советской литературе.

Идеалистическое эстетство и вульгарный социологизм внутренне неразрывно связаны между собой. Эстеты спекулируют на пороках примитивизма, вульгаризаторы маскируются борьбой против эстетства. Они взаимно поддерживают друг друга, взаимно друг друга питают, Советская литература идет своим путем, преодолевая все и всякие отклонения от социалистического реализма.

III. Критика и жизнь

Возрастающая зрелость литературоведения и критики и трудности этого роста обнаружались в работах, посвященных основоположникам советской литературы М. Горькому и В. Маяковскому. Только на русском языке за 20 лет вышло 169 книг о Горьком, 102 книги — о Маяковском. Союз советских писателей совместно с Институтом мировой литературы Академии наук СССР провел широкие дискуссии, посвященные этим трудам. Наиболее удачно прошла дискуссия о работах, посвященных Маяковскому.

На совещании о трудах, посвященных Маяковскому, мы столкнулись с узким, sectarian взглядом на творчество лучшего, талантливейшего поэта нашей эпохи, взглядом, обесценившим это творчество и подгонявшим его под примитивные схемы. Критика ложных положений, острое столкновение борющихся взглядов в свободной творческой дискуссии дали много для более глубокого понимания поэзии Маяковского. Обсуждение работ, посвященных М. Горькому, прошло под знаком углубления представления о творчестве великого писателя, всесторонней разработки идейных и художественных богатств его произведений. В ходе дискуссии были раскрыты некоторые примитивно-социологические тенденции в разработке наследия Горького. В некоторых полемических работах (А. Мясникова, А. Волкова) образы, созданные писателем, становились нередко только иллюстрацией определенных общественных идей.

Горький — великий писатель; он не здала марксизм в беллетризированной форме, а поднимал новые пласты народной жизни. Прямые аналогии подменял анализ того, как Горький по-новому открывал мир, как средствами искусства отвечал на запросы жизни. За последнее время вышел ряд исследований, посвященных творчеству крупнейших советских писателей. Среди них такие, как книга Б. Брайниной о К. Федине, В. Перины об А. Толстом, М. Кузнецова о Ю. Крыме, А. Волкова и В. Курленова об А. Серафимовиче, Ю. Луккина о М. Шолохове и А. Макаренке, В. Перцова о А. Метченко о В. Маяковском, Т. Трифионовой об П. Зренбуфере, Е. Наумова и В. Озерова о Д. Фурманове, В. Ковалева о Л. Леонове, и другие. Следует отметить работы критиков В. Жентли, А. Тарасенкова, В. Арунина, М. Климковича, С. Крыжановского, Е. Клипович, В. Смирновой, А. Григулоаса, К. Корсакаса, А. Бучара и др. Своеобразие писателя связано с художественными открытиями, которые он совершил, с новыми областями жизни, с новыми героями, которых он ввел в сферу нашего внимания, с теми поэтическими материалами, которые он освоил для народа, для человечества.

В удачных работах критиков мы видим творчество писателя, проследившее в единстве идейно-художественного содержания, в развитии, как, например, в книгах В. Брайниной о Федине, Л. Скорино о Бажове, Е. Суркова о Треневе и др.

Партия разоблачила живую «теорию» бесконфликтности. Многие критики помогли этой жетеории оказывать свое вредное влияние на литературную жизнь. Эта «теория» редко выступала открыто, с подлинным заблуждением. Мы почти не найдем прямых, развернутых заявлений против изображения конфликтов, против показа отрицательных явлений. Но в конкретных оценках, в замечаниях, казалось бы, по частностям, но отдельным деталям проглядывало именно эта точка зрения. Так, А. Белик и Г. Луканов утверждали П. Павленко, который в своем романе «Счастье», по их словам, «противопоставил секретарю райкома «тылвику» Корытцу фронтвику Вороняеву. Изображение положительных конфликтов как типичных уходит от подлинных противоречий нашей действительности».

Но ведь у Павленко Вороняев противопоставляется (Стиховое слово этих критиков) Корытцу не как фронтвик тыловику, а как творческий работник формалисту, бюрократу. Критик с живой партийной душой обязан был сказать: «Товарищи писатели, смело противопоставляйте идеологических, индифферентных, творческих, партийных по своему духу людей — чинов-

никам, горе-руководителям, застывшим в неподвижности бюрократам и не бойтесь фальшивых слов о том, что кто-то кому-то что-то противопоставляет. Не надо замазывать непримиримости новаторства и жесткости творчества и чиновничьего равнодушия. Наше государство, Коммунистическая партия, наш народ действительно противопоставляют свежие, творческие народные силы всему косному и отсталому, без такого противопоставления нельзя это косное и отсталое победить!

Перестраховочная критика больше всего бодалась живого слова, нешаблонного выражения. Она хотела бы отобрать произведение литературы, как гладкую доску, для которого море по колено» (С. Иванов, «Вечерняя Москва»).

В романе Е. Поповкина «Семья Рубанюк» парторг Вяткин входит в бляндуж пусеметчик! — Эй, орды! Не обрости еще ополким грибок?» — бросает он шутливые слова. Один из критиков по поводу этих слов негодовал: «Такое его обращение к людям, выдержавшим жестокое испытание в ходе оборонительных боев. Этаким «всеславы», для которого море по колено» (С. Иванов, «Вечерняя Москва»).

Нельзя говорить о вульгаризаторстве, схематизме, как о чертах, уже ушедших в прошлое. Вот перед нами статья В. Платонова «Некоторые вопросы литературной критики», помещенная в № 12 журнала «Звезда», как бы специально к съезду. В этой, во многом путаной статье, В. Платонов нападает на Л. Леонова и его героя из романа «Русский лес» — Вихрова.

Оказывается, Вихров суверен, а еще Белинский же говорил, что русский народ — народ глубоко атеистический, чуждый мистической экзальтации. В характере же Вихрова, как утверждает критик, «отчетливо сквозит та мистическая экзальтация, которую решительно отрицал Белинский в русских людях столетие назад».

Далше мы узнаем, что в тексте Леонова «сленг налет мистического олицетворения сил природы», что девушка-комсомолец Поля находится «во власти смутных мистических ощущений и восприятий», достается Вихрову и за «мистический пантеизм».

Нельзя не пожалеть, что у автора статьи не оказалось ни элементарного понимания образов литературы, ни хотя бы чувства юмора. Главное, что не оказалось этих необходимых качеств у редакции журнала «Звезда». Следует особенно отметить, что статья начинается с самых энергичных тирад насчет партийности. Но партийность — это глубина, широта, идейная ясность, благородство, человечность, а в статье В. Платонова мы видим подмену партийности визгом и проработкой... Особая вредность деятельности перестраховщиков состояла в том, что трусость в изображении борьбы старого и нового, стремление сгладить острые углы, отворнуться от трудностей жизни, показать поле деятельности героев гладким, как паркет, представлялись чуть ли не проявлением высокой идейности, сознательности, партийности. Лакривности радились в одежде высочайшей принципиальности; они якобы боролись против искажения облика советских людей, а на деле, вопреки всем требованиям и указаниям партии, ратовали за парадное благополучие, за притупление оружия в борьбе с недостатками.

Почему партия смогла раскрыть недостатки ряда книг наших выдающихся писателей? Почему партия смогла разоблачить вредность, затормозившую рост литературы «теорию» бесконфликтности? Потому прежде всего, что она полно, глубоко знает жизнь, понимает истинные тенденции ее развития, подлинные закономерности роста. Нашей критике не хватает уверенности суждений с точки зрения жизни, глубины понимания жизненных конфликтов.

Изы. реальная действительность не дает нам оснований для смягчения, замазывания противоречий и конфликтов. Та болевая конфликтность, которая еще чувствуется в литературе и критике, наносит ущерб развитию литературы.

(Окончание на 6-й стр.)

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКИ

(Окончание. Начало на 5-й стр.)

Знание общества позволяло великим критикам так верно судить, пророчески говорить о судьбах произведений и их героев. Когда Белинский прочитал «Обыкновенную историю» Гончарова, он нашел определенные жизненные черты в Адуэне младшем и написал, считая недостаточно типичной деятельность этого персонажа в условиях столичной жизни: «Автор имел бы скорее право заставить своего героя задохнуться в деревенской дичи в алатии и дечи...» Эти слова были написаны за два года до появления «Обломова», но ведь ими был предсказан «Обломов»!

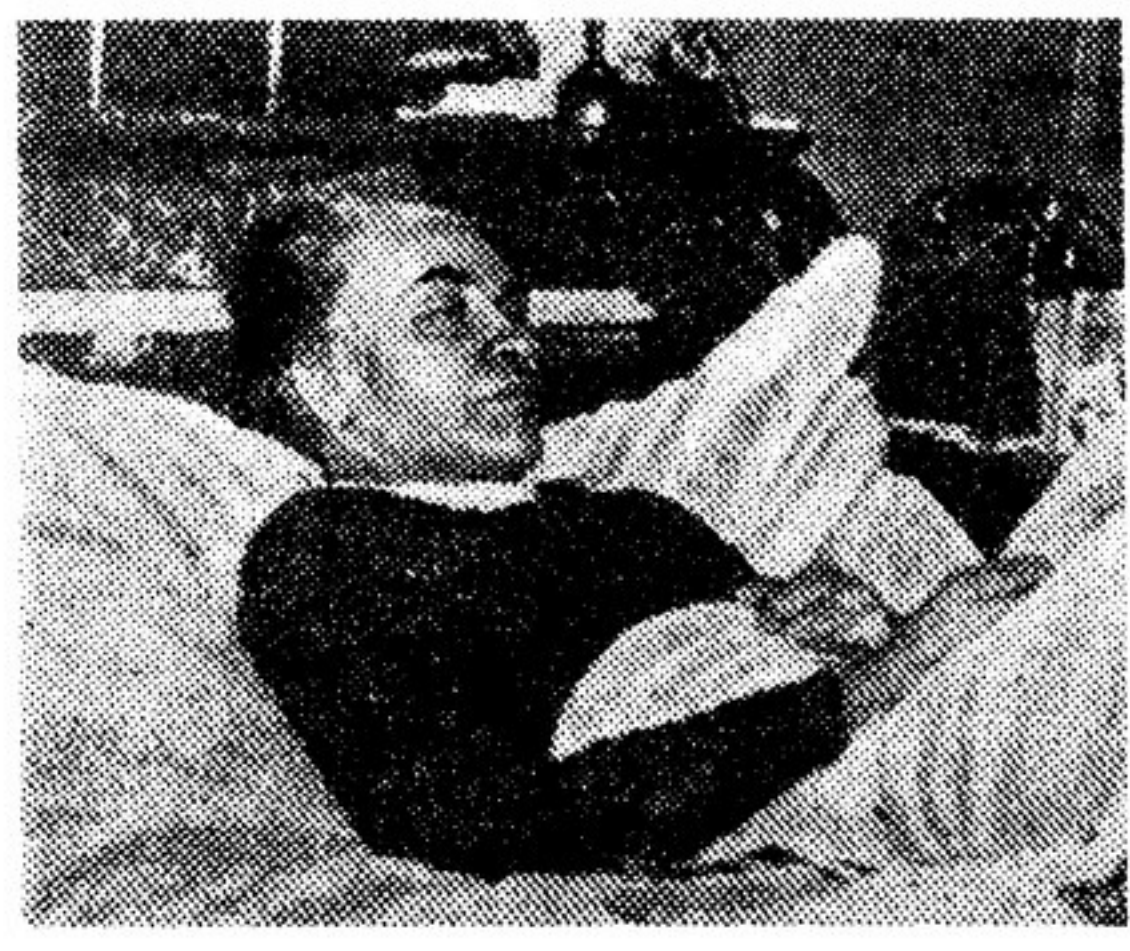
литературном творчестве. Хорошим примером таких статей являются недавно опубликованные в «Знамени» статьи В. Ерилова о Ю. Крымове и А. Макаренко. У нас очень мало статей, ставящих общие вопросы, сближающих для анализа ряд сходных явлений, показывающих успехи и недостатки в художественной разработке одной темы, сопоставляющих ряд произведений, близких по замыслу, или, наоборот, рассматривающих какие-то контрасты. Регистратурская критика, не обладающая широкой концепцией литературного развития, не способна влиять ни на читателя, ни на писателя.

Должен быть поставлен вопрос о типе критика. Критик — это писатель и общественный деятель, вносящий в жизнь, во всеоружии таланта и знания борющийся за линию партии, а не кабинетный затворник, живущий в тесном мире узко-профессиональных интересов. Надо признать, что Союз писателей и его органы мало заботились о типе критика, мало сделали, чтоб вывести критику из второго эшелона, где она пребывает сейчас, усилить ее воинственный дух, приблизить критиков вплотную к действительности.

„БУДЬТЕ НАЧЕКУ!“ — ГОВОРИТ ЭЙАР

Французский депутат-радикал Жорж Эйар не выступил в дебатах о ратификации парижских соглашений. Пытки, перенесенные в нацистском лагере смерти Бухенвальде, свели Эйара в могилу. Последние годы жизни он, неизлечимо больной, был прикован к постели и не присутствовал на заседаниях парламента. Но, в отличие от иных пишущих здоровьем буржуазных депутатов, он оправдал доверие избирателей.

В феврале 1952 года французское Национальное собрание обсуждало проект создания «европейской армии». Так же, как и сейчас, выступили адвокаты парламента, твердя, будто в рамках «европейской армии» западногерманские вооруженные силы будут не опаснее болонки в наморднике. Бывший узник Бухенвальда не мог стать молчаливым соучастником гнусного одурчивания французского народа. Он потребовал, чтобы его доставили в Бурбонский дворец.

Депутат Национального собрания Эйар. Снимок из французского журнала «Регар»

12 февраля 1952 года Жоржа Эйара внесли на трибуну Национального собрания. Есть слова, сила которых со временем не убывает, а растет. Сегодня короткое выступление Эйара звучит резко и тревожно, чем в пятьдесят втором году. Оно заслуживает того, чтобы о нем сегодня вспоминали.

Вот что сказал Жорж Эйар: — У меня на глазах в лагере умерли почти все мои товарищи. Тогда мы полагались никогда не допустить восстановления военной мощи Германии. Однако теперь, несмотря на все предостережения истории, собираются восстановить германскую армию. Я буду голосовать против... Спросите мнение бывших высланных и военнопленных, спросите семьи тех, кто так и не вернулся домой... Я пришел сюда сегодня, чтобы исполнить свой последний долг...

Эйар сделал паузу, и в глубокой, напряженной тишине было ясно слышно его тяжкое, с хрипом, дыхание. Обернувшись к тогдашнему министру иностранных дел Шуману, он продолжал: — Я конченый человек, господин министр, я обречен на смерть. Выборы настали меня в хирургической клинике. С тех пор мое состояние еще больше ухудшилось. Я умираю, меня убила германская армия. Я не хочу, чтобы мои сыновья и внуки были зачислены в те же вооруженные силы, в каких будут служить сыновья палачей их отца. Я не хочу, чтобы мой сын служил рядом с сы-

раля 1952 года, вспомнить изможденного Эйара на трибуне. Может быть, они испытали бы хоть какие-то угрызения совести. Конечно, найдутся парламентарии, которые удивятся: Эйар? А может, таково и не было? После того, как горючий Самгин сделал трусливую и неудачную попытку спасти тонущего мальчика, кто-то из пошедших к проуруби сказал: «Да — был ли мальчик-то, может мальчик-то и не было?». Подлец Самгин на всю жизнь запомнил эту фразу и возвел ее в формулу, с помощью которой избавлял себя от решения сложных жизненных вопросов, от мучительных раздумий, от укуров совести.

Сейчас некоторые французские политические деятели или симулируют слабое состояние памяти, или пользуются подлым приемом. А были ли Бухенвальд и Орду? Может, их и не было? Нет, были! И нацистский флаг на Эйфелевой башне, и Освенцим, и Майданек, и Ордул-сюр-Глан, и горы трупов, миллионы жертв... Все это было и не должно повториться. «Будьте начеку!», завещал умирающий депутат Эйар. Те же слова говорят сегодня Франции ее искренние друзья, сторонники мира.

Сейчас некоторые французские политические деятели или симулируют слабое состояние памяти, или пользуются подлым приемом. А были ли Бухенвальд и Орду? Может, их и не было? Нет, были! И нацистский флаг на Эйфелевой башне, и Освенцим, и Майданек, и Ордул-сюр-Глан, и горы трупов, миллионы жертв... Все это было и не должно повториться. «Будьте начеку!», завещал умирающий депутат Эйар. Те же слова говорят сегодня Франции ее искренние друзья, сторонники мира.

Цена английских гарантий

Стремясь убедить французский народ в необходимости союза Франции с германскими милитаристами, английская дипломатия настойчиво повторяет поразительный по своей неелости тезис: Франция и Западная Европа, якобы, угрожает опасности нападения со стороны Советского Союза, и обороняться от этой мифической опасности Франция может лишь с помощью вермахта. Следовательно, надо вооружить германских милитаристов и вступить с ними в военный союз, а для того, чтобы они не вздумали ударить своего французского союзника, Франция должна принять английские и американские «гарантии». В одной из своих передовиц лондонский «Таймс», уговаривая французских политиков, открывенно писал, что именно «потребность в рекрутировании германских солдат является краеугольным камнем реальности» проектов союза с германским милитаризмом.

Однако хорошо известно, что русский народ неоднократно спасал Францию от германских армий! Именно франко-русский союз, а не эфемерная военная помощь из Ламанша, не раз давал возможность Франции устоять перед вторгшимися германскими армиями. Командующий английским экспедиционным корпусом во Франции в 1914 году точно выполнял приказ своего военного министра участвовать в военных действиях там, где английские войска «не будут подвержены излишним опасностям», и прижимали поближе к Гавру. Экспедиционная стратегия Дюнкера восходила своими традициями еще к началу первой мировой войны.

В одном из своих очередных обзоров Уолтер Липман вынул французской общественности, что, если Франция отклонит лондонское соглашение, то она этим «отвергнет не только примирение с Германией, что будет очень серьезным событием, но и европейский союз с Великобританией, что будет катастрофичным... Отказ от ратификации будет означать изоляцию Франции».

Исторические фарсы иногда повторяются. Когда Уинстон Черчилль в октябре 1951 года изложил на конференции английских консерваторов свои всем известные англо-американские взгляды о политике «с позиции силы», об английской гарантии и т. п., делегаты конференции поднялись со своих мест и хриплыми голосами спели в честь старшего премьера все ту же песенку о хорошем, добром малом. Историкам пока не известно, имеется ли у этой песни записное продолжение...

Уолтер Липман был в 1919 году в Париже и, конечно, не забыл слова члена делегации США на Парижской мирной конференции 1919 года, полковника Хауза: «Если бы... мы оказались настолько глупы, что позволили бы Германии обучить и вооружить крупную армию и снова превратились в угрозу для всего мира, то мы заслужили бы уезд, обусловленный этой глупостью». Об этих словах Липману не мешало бы вспомнить сейчас.

На пороге смерти Клемансо назвал английские гарантии «ключом бумаги и сетовал, что «продли свои кровя на полях сражений». Франция остается недвижимой в руках усмирителей». Сейчас, когда голос Франции является решающим для судьбы парижских соглашений, французский народ не остается недвижимым. Вместе с другими народами Европы он ведет борьбу за создание системы коллективной безопасности. Все патристические силы понимают, что франко-советский и англо-советский договоры являются подлинной гарантией, основой безопасности Европы и Франции. Политика западных держав, которые стремятся осуществить лондонское и парижские соглашения, ведет вместо создания гарантии мира к сколачиванию агрессивной военной группировки под руководством США, создает смертельную угрозу для французского народа и других народов Европы.

Еще более горьким для Франции был опыт с английской гарантией по Локарнским соглашениям 1925 года. Добиваясь усиления германского милитаризма и пре-

В дни работы Второго всесоюзного съезда советских писателей «Литературная газета» выходит ежедневно. В этом номере — 6 страниц.

Главный редактор Б. РЮРИКОВ. Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Г. ГУЛИА, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОТЕВ, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), Б. ЛЕОНТЬЕВ, В. ОЗЕРОВ (зам. главного редактора), К. ПАУСТОВСКИЙ, Н. ПОГОДИН, С. СМЕРНОВ.

IV. Критика и вопросы мастерства

Критика обращается, так сказать, по двум адресам: и к писателю и к читателю, и к создателю книг и к их потребителю. Критик — не внутренний рецензент, не редактор, дающий замечания, где надо улучшить текст, он — выразитель интересов читателя, представитель общественного мнения, с широкой общественной точки зрения оценивающий произведение литературы. Критика призвана создавать в Союзе писателей обстановку высокой, бескомпромиссной требовательности, неприщипчивости к недостаткам.

трудная задача критики. Легче всего найти более или менее существенные недостатки: они есть в каждом произведении. Несравненно труднее определить, чем хорошо произведение, что в нем подлинно поэтическое; вот здесь и нужен и верный глаз, и убежденность, и хороший вкус.

Союз советских писателей несет полную ответственность за серьезные недостатки критики. До сих пор критика остается на зарюках жизни Союза писателей. В том, что критика часто пассивна, не проявляет инициативы, не задает тон, не завоевала уважения глубиной и ясностью оценок, сместью и целеустремленностью постановки вопроса, повинны сами критики. Но надо сказать, что Союз писателей и редакции печатных органов союза мало заботятся о развитии критики, о ее месте в общей работе.

Писателю мешают расти холодное невнимание, мелочные придирки. Но мешают ему и непонятная восторженность славыловий. Когда вышла хорошая книга Бубенинова «Белая береза», в журнале «Октябрь» появилась такая оценка: «Перед нами роман Михаила Бубенинова «Белая береза». Роман не завершен; опубликована лишь первая книга его. Мы стоим у порога этого сооружения, смотрим вверх на не снятые еще леса и пытаемся угадать его конечные размеры и формы. Входим внутрь той части здания, которая уже отделана и заселена. В глаза бросается совершенство пропорций, поражают обилие и яркость света, богатство гармонизирующих красок и глубина простора. И при всем том бесконечное разномыслие обстановки, ни одного пустого, скучного места! Все пролазно, все необходимо и ничего лишнего. Вот только кое-где не убраны еще стружки» («Октябрь», № 5, 1948 г., статья М. Шергина). Не оказывая ли авторы таких статей медвежью услугу писателям — автор еще в работе, он еще не осуществил свой замысел, и не нужно мешать ему совершенствовать свое творение рассаблаживающими восторгам.

Вот, например, Т. Трифонова в своей книге об И. Эренбурге, справедливо высоко оценив публицистику Эренбурга, пишет далее о композиции его романов: «Для Эренбурга и в публицистике и в романах — особенно в «Буре» — композиционное построение является одним из решающих моментов. Композиция «Бури» воспроизводит в более широком масштабе принцип композиционного построения его публицистических статей».

«...Талант критика редок, путь его скролок и опасен», — говорит Белинский. Критика требует внимания и поддержки. Однако роль критики, место ее в журналах, газетах сейчас — роль и место бедного родственника. Явно недостаточно то место, которое отводится критике. Такое положение отделов критики терпеть нельзя. Отделы эти должны во многом задавать тон журналу, определять его лицо. В журналах должны найти место и теоретические статьи по общим вопросам искусства, и обзорные, проблемные выступления, и рецензии на новые книги. Отдел критики должен иметь 6—8 и более печатных листов в каждом номере журнала.

В статье О. Резника «Поэзия Алексея Суркова» (журнал «Октябрь»), в статье С. Владимировича о книге И. Эренбурга «Демьян Бедный» («Звезда») также встречаются восторженные тирады.

Для развития советской литературы исключительное значение имеет мастерство языка. После дискуссии по языкознанию в журналах появился ряд статей. В критических работах подробнее стали рассматриваться особенности языка писателей. Но перевод не был закреплен. Скоро все пошло по прелему русла и белгие замечания о языке снова заняли привычное скучное место в конце критических статей.

Ведя в том, что мы примирились с таким уровнем работы критиков, И требованию в критике предельно понижены, и в жизни Союза писателей она поставлена в неравноправное положение. Считается естественным, что писатели выпускают сборники стихов и рассказов. Сборники же критических статей у нас почти не выходят.

В статье О. Резника «Поэзия Алексея Суркова» (журнал «Октябрь»), в статье С. Владимировича о книге И. Эренбурга «Демьян Бедный» («Звезда») также встречаются восторженные тирады.

Для развития советской литературы исключительное значение имеет мастерство языка. После дискуссии по языкознанию в журналах появился ряд статей. В критических работах подробнее стали рассматриваться особенности языка писателей. Но перевод не был закреплен. Скоро все пошло по прелему русла и белгие замечания о языке снова заняли привычное скучное место в конце критических статей.

Ведя в том, что мы примирились с таким уровнем работы критиков, И требованию в критике предельно понижены, и в жизни Союза писателей она поставлена в неравноправное положение. Считается естественным, что писатели выпускают сборники стихов и рассказов. Сборники же критических статей у нас почти не выходят.

В 1886 году в юмористическом журнале «Осколки» была напечатана заметка «Литературная табель о рангах». Автор заметки говорит, что получилось бы, если живших тогда русских литераторов произвело в чины, соответственно их заслугам.

В 1886 году в юмористическом журнале «Осколки» была напечатана заметка «Литературная табель о рангах». Автор заметки говорит, что получилось бы, если живших тогда русских литераторов произвело в чины, соответственно их заслугам.

В 1886 году в юмористическом журнале «Осколки» была напечатана заметка «Литературная табель о рангах». Автор заметки говорит, что получилось бы, если живших тогда русских литераторов произвело в чины, соответственно их заслугам.

Лев Толстой и Гончаров были бы тайными советниками, Салтыков-Щедрин и Григорovich — действительными статскими советниками, Майков, Гаршин, Глеб Успенский — коллежскими советниками, Короленко и Горбунов — надворными советниками, Альбов и Шпагинский попадали в титулярные советники, Апухтин — в коллежские секретари, а Минский — в коллежские регистраторы.

Лев Толстой и Гончаров были бы тайными советниками, Салтыков-Щедрин и Григорovich — действительными статскими советниками, Майков, Гаршин, Глеб Успенский — коллежскими советниками, Короленко и Горбунов — надворными советниками, Альбов и Шпагинский попадали в титулярные советники, Апухтин — в коллежские секретари, а Минский — в коллежские регистраторы.

Лев Толстой и Гончаров были бы тайными советниками, Салтыков-Щедрин и Григорovich — действительными статскими советниками, Майков, Гаршин, Глеб Успенский — коллежскими советниками, Короленко и Горбунов — надворными советниками, Альбов и Шпагинский попадали в титулярные советники, Апухтин — в коллежские секретари, а Минский — в коллежские регистраторы.

Ведь даже знаки общественного признания, которые должны были поощрять борьбу за высокое мастерство, кое-кто пытался использовать, чтоб создать своеобразную табель о рангах и сделать какие-то произведения неприкасаемыми для критики.

Ведь даже знаки общественного признания, которые должны были поощрять борьбу за высокое мастерство, кое-кто пытался использовать, чтоб создать своеобразную табель о рангах и сделать какие-то произведения неприкасаемыми для критики.

Ведь даже знаки общественного признания, которые должны были поощрять борьбу за высокое мастерство, кое-кто пытался использовать, чтоб создать своеобразную табель о рангах и сделать какие-то произведения неприкасаемыми для критики.

Иногда думают, что высота художественных критериев выражается в умении видеть и находить в произведении недостатки. Это неверно. Высота критерия выражается прежде всего в умении видеть достоинства произведения. В этом — самая

Иногда думают, что высота художественных критериев выражается в умении видеть и находить в произведении недостатки. Это неверно. Высота критерия выражается прежде всего в умении видеть достоинства произведения. В этом — самая

Иногда думают, что высота художественных критериев выражается в умении видеть и находить в произведении недостатки. Это неверно. Высота критерия выражается прежде всего в умении видеть достоинства произведения. В этом — самая